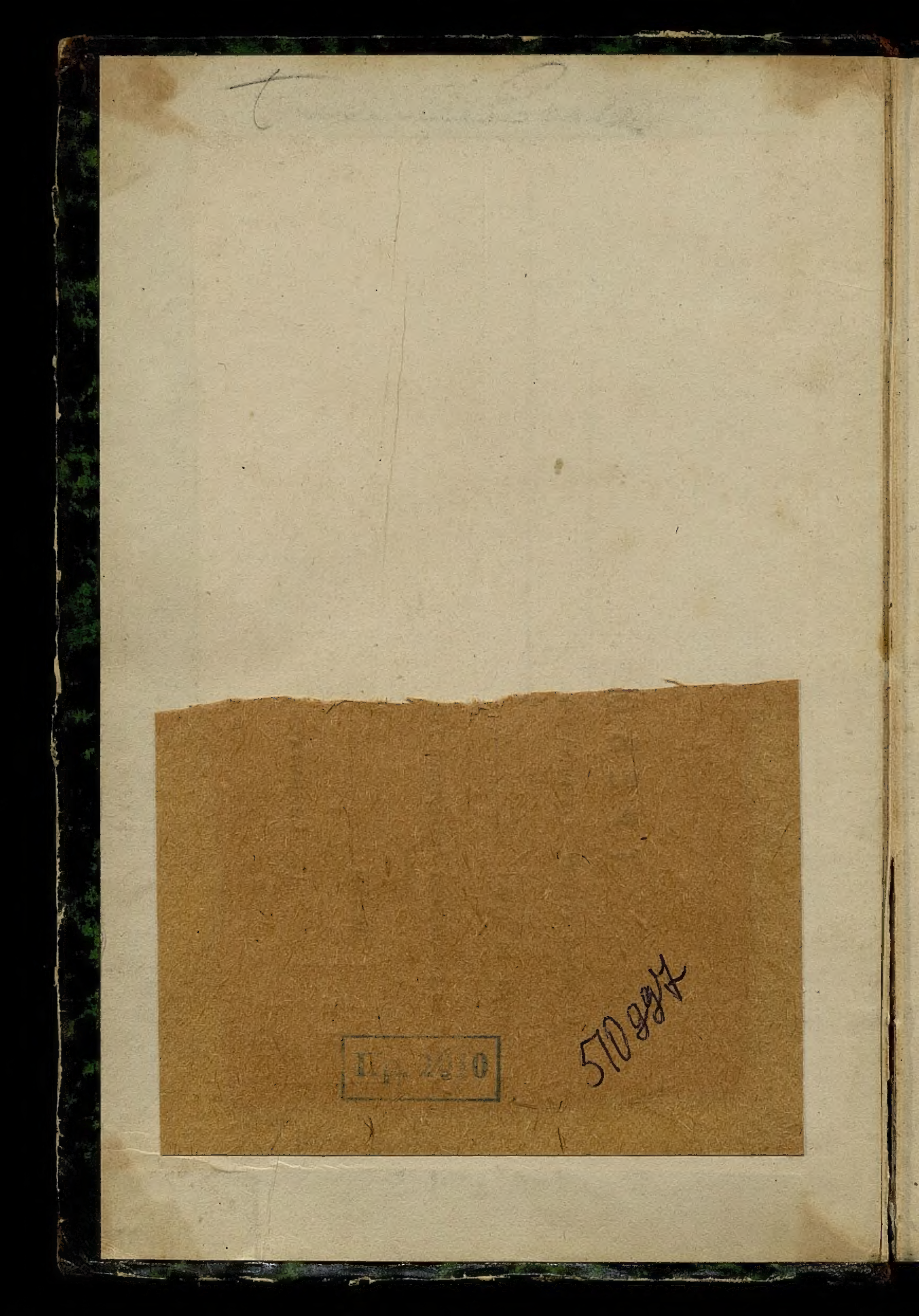
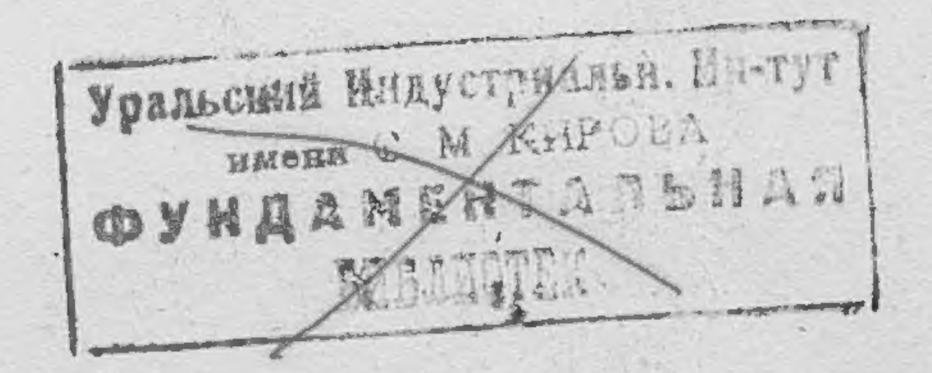
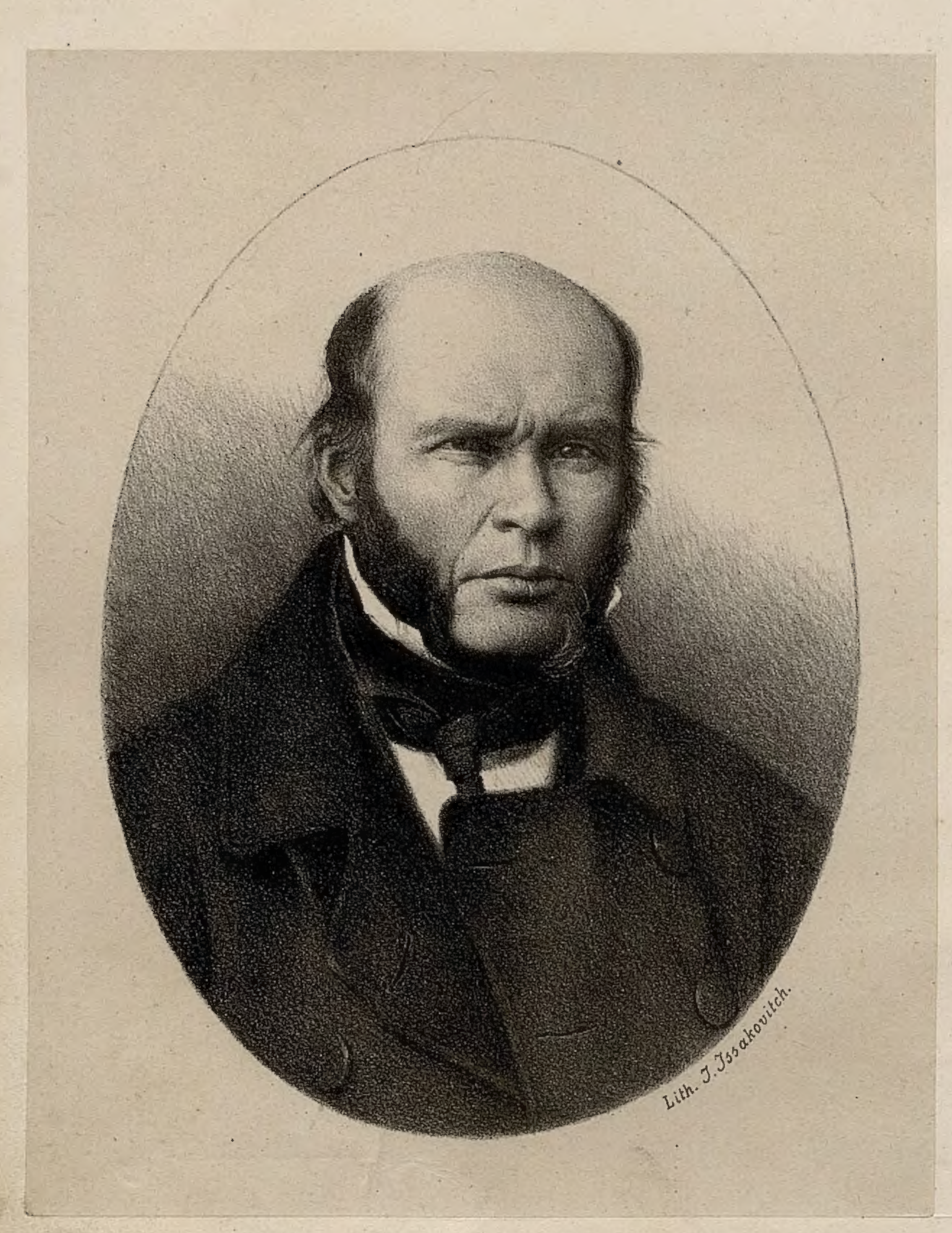

510997
37
П334

Пироговъ

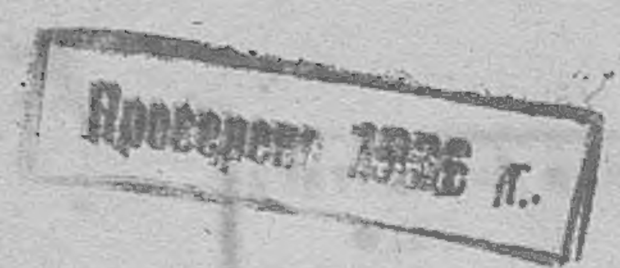
СОБРАНІЕ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ

Н. И. Пирогова.

С҃Ъ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Изданіе редакторовъ Од. В. А. Богдановскаго и А. Георгіевскаго.

ОДЕССА.

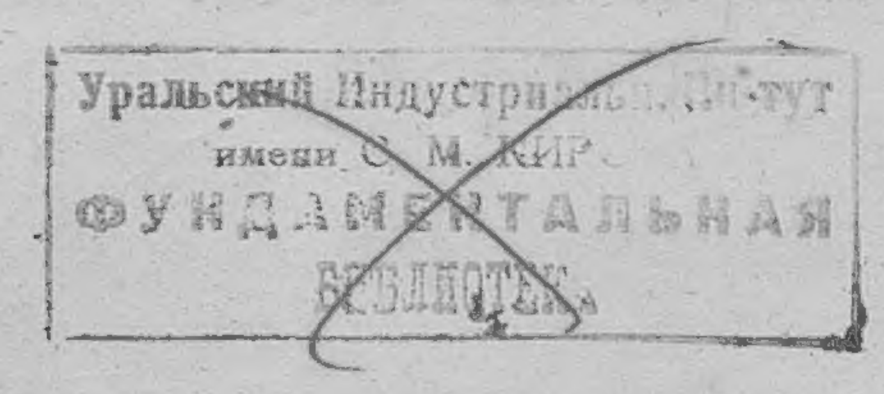
ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, 6-го Октября 1858 года.

Цензоръ *Д. Синицынъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОДЕССКОМУ УЧЕБНОМУ ОКРУГУ.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ БУМАГЪ, ВЫВЕДЕННЫЙ НА СВѢТЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ МОРСКАГО СБОРНИКА О ВОСПИТАНІИ).

«Къ чему вы готовите вашего сына? кто-то спросилъ меня.

«Быть человѣкомъ, отвѣчалъ я.

«Развѣ вы не знаете, сказалъ спросившій, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ; это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.»

Правда это или нѣтъ?

—

Мы живемъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, «по преимуществу» практическомъ.

Отвлеченія, даже и въ самой столицѣ ихъ, Германіи, уже не въ ходу болѣе. А человѣкъ, что ни говори, есть дѣйствительно только одно отвлеченіе.

Зоологическій человѣкъ, правда, еще существуетъ съ его двумя руками, и держится ими крѣпко за существенность; но нравственный, вмѣстѣ съ другими старосвѣтскими отвлеченіями, какъ-то плохо принадлежитъ настоящему.

Впрочемъ, не будемъ несправедливы къ настоящему. И въ древности искали людей днемъ съ фонарями; но — все-таки искали.

Правда, языческая древность была не слишкомъ взыскательна. Она позволяла имѣть всѣ возможныя нравственно-религіозныя убѣжденія; можно было ad libitum сдѣлаться эпикурейцемъ, стоикомъ, пиѳагорейцемъ; только худыхъ гражданъ она не жаловала.

Не смотря на все наше уваженіе къ неоспоримымъ достоинствамъ реализма настоящаго времени, нельзя однакоже не согласиться, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка.

Правительства въ древности оставляли школы безъ надзора, и считали себя не въ правѣ вмѣшиваться въ ученія мудрецовъ. Каждый изъ учениковъ могъ пролагать, въ послѣдствіи, новые пути и образовать новыя школы; только жрецы, тираны и зелоты отъ времени до времени выгоняли, сжигали и отравляли философовъ, если ихъ ученія уже слишкомъ противорѣчили повѣрьямъ господствующей религіи; да и то это дѣлалось по интригамъ партій и кастъ.

Язычество древнихъ, не озаренное свѣтомъ истинной вѣры, заблуждалось; но заблуждалось, слѣдуя принятымъ и послѣдовательно проведеннымъ убѣжденіямъ.

Если эпикуреецъ утопалъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, то онъ дѣлалъ это, основываясь, хотя и на ложно понятомъ ученіи школы, утверждавшей, что «искать по возможности наслажденія и избѣгать непріятнаго значитъ быть мудрымъ.»

Если стоикъ дѣлался самоубійцею, то это случалось отъ стремленія къ добродѣтели и идеалу высшаго совершенства.

Даже кажущаяся непослѣдовательность въ поступкахъ скептика извиняется ученіемъ школы, проповѣдывавшей, что «ничего нѣтъ вѣрнаго на свѣтѣ, и что даже сомнѣніе сомнительно.»

Въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все таки самый существенный атрибутъ духовной натуры человѣка — стремленіе разрѣшить вопросъ жизни о цѣли бытія.

Правда, и въ древности случалось, точно также какъ и у насъ, что были люди, не задававшіе себѣ никакихъ вопросовъ при вступленіи въ жизнь.

Но сюда относились и относятся только два рода людей.

Во-первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привилегію на идіотизмъ.

Во-вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчекъ, двигаются по силѣ инерціи въ данномъ имъ направленіи.

Оба эти рода, конечно, не принадлежатъ къ исключеніямъ; но и не могутъ служить правилами.

Ученіе Спасителя, разрушивъ хаосъ нравственнаго произвола, указало человѣчеству прямой путь, опредѣлило и цѣль и средоточіе житейскихъ стремленій.

Найдя въ Откровеніи самый главный вопросъ жизни — «о цѣли нашего бытія» — разрѣшеннымъ, казалось бы, человѣчество ничего другаго не должно дѣлать, какъ слѣдовать съ убѣжденіемъ и вѣрою по опредѣленной стезѣ.

Но протекли столѣтія, а все осталось «яко же бо бысть во дни Ноевы» (Матѳ., гл XXIV, 37).

Къ счастію еще, что наше общество успѣло такъ организоваться, что оно для большей массы людей, само безъ ихъ сознанія, задаетъ и рѣшаетъ вопросы жизни, и даетъ этой массѣ, пользуясь силою ея инерціи, извѣстное направленіе, которое оно считаетъ лучшимъ для своего благосостоянія.

Не смотря однако на преобладающую въ массѣ силу инерціи, у каждаго изъ насъ осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить намъ, что мы, живя въ обществѣ и для общества, живемъ еще и сами собою, и въ самихъ себѣ.

Но узнавъ по инстинкту или по опыту, что общество приняло извѣстное направленіе, намъ все таки ничего не остается болѣе дѣлать, какъ согласовать проявленія нашей самостоятельности, какъ можно лучше, съ направленіемъ общества.

Безъ этого мы *или* разладимъ съ обществомъ и будемъ терпѣть и бѣдствовать, *или* основы общества начнутъ колебаться и разрушаться.

И такъ, какъ бы ни была велика масса людей, слѣдующихъ безсознательно данному обществомъ направленію, какъ бы мы всѣ ни старались, для собственнаго блага, приспособлять свою самостоятельность къ этому направленію, всегда останется еще много такихъ изъ насъ, которые сохранятъ довольно сознанія, чтобы вникнуть въ нравственный свой бытъ и задать себѣ вопросы: въ чемъ состоитъ цѣль нашей жизни? какое наше назначеніе? къ чему мы призваны? чего должны искать мы?

Какъ мы принадлежимъ къ послѣдователямъ христіанскаго ученія, то казалось бы, что воспитаніе должно намъ класть въ ротъ отвѣты.

Но это предположеніе возможно только при *двухъ* условіяхъ:

во-первыхъ, если воспитаніе приноровлено къ различнымъ способностямъ и темпераменту каждаго, то развивая, то обуздывая ихъ;

во-вторыхъ, если нравственныя основы и направленіе общества, въ которомъ мы живемъ, совершенно соотвѣтствуютъ направленію, сообщаемому намъ воспитаніемъ.

Первое условіе необходимо, потому что врожденныя склонности и темпераментъ каждаго подсказываютъ ему, впопадъ и не впопадъ, что онъ долженъ дѣлать и къ чему стремиться.

Второе условіе необходимо, потому что безъ него, какое бы направленіе ни было намъ дано воспитаніемъ, мы, видя, что поступки общества не соотвѣтствуютъ этому на-

правленію. непремѣнно удалимся отъ него и собьемся съ пути.

Но къ сожалѣнію, наше воспитаніе не достигаетъ предполагаемой цѣли, потому что:

Во первыхъ, наши склонности и темпераменты не только слишкомъ разнообразны, но еще и развиваются въ различное время: воспитаніе же наше, вообще однообразное, начинается и оканчивается для большей части изъ насъ въ одни и тѣ же періоды жизни. И такъ, если воспитаніе, начавшись для меня слишкомъ поздно, не будетъ соотвѣтствовать склонностямъ и темпераменту, развившимся у меня слишкомъ рано, то какъ бы и что бы оно мнѣ ни говорило о цѣли жизни и моемъ назначеніи, мои, рано развившіеся, склонности и темпераментъ будутъ мнѣ все таки нашептывать другое.

Отъ этого сбивчивость, разладъ и произволъ.

Во-вторыхъ, талантливые, проницательные и добросовѣстные воспитатели также рѣдки, какъ и проницательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели. Число ихъ не соотвѣтствуетъ массѣ людей, требующихъ воспитанія.

Не въ этомъ, однакоже, еще главная бѣда. Будь воспитаніе наше, со всѣми его несовершенствами, хоть бы равномѣрно только приноровлено къ развитію нашихъ склонностей, то послѣ мы сами, чутьемъ, еще могли бы рѣшить основные вопросы жизни. — Добро и зло вообще довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому, нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и прозорливости правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу.

Но вотъ главная бѣда:

Самыя существенныя основы нашего воспитанія на-

ходятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ общество.

Вспомнимъ еще разъ, что мы христіане, и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ и должно служить Откровеніе.

Всѣ мы, съ нашего дѣтства, не напрасно же ознакомлены съ мыслію о загробной жизни, всѣ мы не напрасно же должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

Вникая же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ, покрайней-мѣрѣ, жизни практической, и даже отчасти и умственной, мы находимъ рѣзко выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьи и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней.

Выступая изъ школы въ свѣтъ, что̀ находимъ мы, воспитанные въ духѣ христіанскаго ученія? Мы видимъ тоже самое раздѣленіе общества на толпы, которое было и во времена паганизма, съ тѣмъ отличіемъ, что языческія увлекались разнородными, нравственно-религіозными убѣжденіями различныхъ школъ, и дѣйствовали, слѣдуя этимъ началамъ, послѣдовательно; а наши дѣйствуютъ по взглядамъ на жизнь, произвольно ими принятымъ, и вовсе несогласнымъ съ религіозными основами воспитанія, или и вовсе безъ всякихъ взглядовъ.

Мы видимъ, что самая огромная толпа слѣдуетъ безсознательно, по силѣ инерціи, толчку, данному ей въ извѣстномъ направленіи. Развитое чувство индивидуальности вселяетъ въ насъ отвращеніе пристать къ этой толпѣ.

Мы видимъ другія толпы, несравненно меньшія по объему, увлекаемыя хотя также, болѣе или менѣе, по направленію огромной массы, но слѣдующія уже различнымъ *взглядамъ* на жизнь, стараясь то противоборствовать этому влеченію, то оправдать предъ собою слабость и недостатокъ энергіи.

Взглядовъ, которымъ слѣдуютъ эти толпы, наберется много.

Разобравъ, не трудно убѣдиться, что въ нихъ отзываются тѣ же начала Эпикуреизма, Пиронизма, Цинизма, Платонизма, Еклектизма, которыя руководствовали и поступками языческаго общества, — но лишенныя корня, безжизненныя и въ разладѣ съ вѣчными истинами, перенесенными въ нашъ міръ Воплощеннымъ Словомъ.

Вотъ, напримѣръ, *первый* взглядъ, очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетитъ и сонъ. Время-же нужно для трудовъ и наслажденій. Аппетитъ для наслажденій и трудовъ. Сонъ опять для трудовъ и наслажденій. Труды и наслажденія для счастія.

Вотъ *другой* взглядъ – высокій. Учитесь, читайте, размышляйте и извлекайте изъ всего самое полезное. Когда умъ вашъ просвѣтлѣетъ, вы узнаете, кто вы и что̀ вы. Вы поймете все, что кажется необъяснимымъ для черни. Поумнѣвъ, повѣрьте, вы будете дѣйствовать какъ нельзя лучше. Тогда предоставьте только выборъ вашему уму, и вы никогда не сдѣлаете промаха.

Вотъ *третій* взглядъ — старообрядческій. Соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья. Читайте только благочестивыя книги; но въ смыслъ не вникайте. Это главное для спокойствія души. Затѣмъ, не размышляя, живите такъ, какъ живется.

Вотъ *четвертый* взгладъ — практическій. Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копѣйку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе, или, по-крайней-мѣрѣ, что̀ для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно также какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій.

Вотъ *пятый* взглядъ, также практическій въ своемъ

родѣ. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что̀ вамъ угодно и какъ вамъ угодно; но только строго соблюдайте всѣ приличія, и умѣйте съ людьми уживаться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь, и ни подъ какимъ видомъ имъ не противорѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвеніе не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что̀ вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите; только молча, въ кулакъ себѣ, смѣйтесь.

Вотъ *шестой* взглядъ, очень печальный. Не хлопочите, лучшаго ничего не придумаете. Новое только то на свѣтѣ, что̀ хорошо было забыто. Что будетъ, то будетъ. Червякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь къ совершенству, и принадлежите къ обществу прогрессистовъ. Зритель и комедіантъ по неволѣ, какъ не бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, за чѣмъ жили.

Вотъ *седьмой* взглядъ, очень веселый. Работайте для моціона, и наслаждайтесь, покуда живете. Ищите счастья, но не ищите его далеко, – оно у васъ подъ руками. Какой вамъ жизни еще лучшей нужно? Все дѣлается къ лучшему. Зло — это одна фантасмагорія для вашего же развлеченія, тѣнь, чтобы вы лучше могли наслаждаться свѣтомъ. Пользуйтесь настоящимъ, и живите себѣ припѣваючи.

Вотъ *восьмой* взглядъ, и очень благоразумный. Отдѣляйте теорію отъ практики. Принимайте какую вамъ угодно теорію, для вашего развлеченія; но на практикѣ узнавайте, главное, какую роль вамъ выгоднѣе играть; узнавъ, выдержите ее до конца. Счастіе – искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь; сдѣлавъ промахъ, не пѣняйте и не унывайте. Противъ теченія не плывите.

И прочее, и прочее, и прочее,

Убѣждаясь при вступленіи въ свѣтъ въ этомъ разладѣ

основной мысли нашего воспитанія съ направленіемъ общества, намъ ничего болѣе не остается, какъ впасть въ одну изъ *трехъ* крайностей.

Или мы пристаемъ къ одной какой нибудь толпѣ, теряя всю нравственную выгоду нашего воспитанія. Увлекаясь матеріальнымъ стремленіемъ общества, мы забываемъ основную идею Откровенія. Только иногда, мелькомъ, въ рѣшительныя мгновенія жизни, мы прибѣгаемъ къ спасительному Его дѣйствію, чтобы на время подкрѣпить себя и утѣшить.

Или мы начинаемъ дышать враждою противъ общества. Оставаясь еще вѣрными основной мысли христіанскаго ученія, мы чувствуемъ себя чужими въ мірѣ искаженнаго на другой ладъ паганизма, недовѣрчиво смотримъ на добродѣтель ближнихъ, составляемъ секты, ищемъ прозелитовъ, дѣлаемся мрачными презрителями и недоступными собратами.

Или мы отдаемся произволу. Не имѣя твердости воли устоять противъ стремленія общества, неимѣя довольно безчувственности, чтобы отказаться совсѣмъ отъ спасительныхъ утѣшеній Откровенія, довольно безнравственными и неблагодарными, чтобы отвергать все Высокое и Святое, мы оставляемъ основные вопросы жизни нерѣшенными, избираемъ себѣ въ путеводители случай, переходимъ отъ одной толпы къ другой, смѣемся и плачемъ съ ними для разсѣянія, колеблемся и путаемся въ лабиринтѣ непослѣдовательностей и противорѣчій.

Подвергнувъ себя *первой* крайности, мы пристаемъ именно къ той толпѣ, къ которой всего болѣе влекутъ насъ наши врожденныя склонности и темпераментъ.

Если мы родились здоровыми и даже черезъ-чуръ здоровыми, если матеріальный бытъ нашъ развился энергически, и чувственность преобладаетъ въ насъ; то мы склоняемся на сторону привлекательнаго и веселаго взглядовъ.

Если воображеніе у насъ не господствуетъ надъ умомъ, если инстинктъ не превозмогаетъ разсудка, а воспитаніе наше было болѣе реальное; то мы дѣлаемся послѣ-

дователями благоразумнаго или одного изъ практическихъ взглядовъ.

Если, напротивъ, при слабомъ или нервномъ тѣлосложеніи, мечтательность составляетъ главную черту нашего характера, инстинктъ управляется не умомъ, а воображеніемъ, воспитаніе же не было реальнымъ; мы увлекаемся то религіознымъ, то печальнымъ взглядами, то переходимъ отъ печальнаго къ веселому и даже къ привлекательному.

Если, наконецъ, воспитаніе сдѣлало изъ ребенка старуху, не давъ ему быть ни мущиною, ни женщиною, ни даже старикомъ, или при тускломъ умѣ преобладаетъ воображеніе, или при тускломъ воображеніи тупой умъ, то выборъ падаетъ на ложно-религіозный взглядъ.

Впослѣдствіи, различныя внѣшнія обстоятельства, матеріальныя выгоды, кругъ и мѣсто нашихъ дѣйствій, слабость воли, состояніе здоровья и т. п. нерѣдко заставляютъ насъ перемѣнять эти взгляды и быть, поочередно, ревностными послѣдователями то одного, то другаго.

Если кто нибудь изъ насъ, сейчасъ же при вступленіи въ свѣтъ или и послѣ, переходя отъ одной толпы къ другой, наконецъ остановился въ выборѣ на которомъ нибудь взглядѣ; то это значитъ, что онъ потерялъ всякую наклонность перемѣнить или перевоспитать себя; это значитъ, онъ вполнѣ удовлетворенъ своимъ выборомъ; это значитъ, онъ рѣшилъ, какъ умѣлъ или какъ ему хотѣлось, основные вопросы жизни. Онъ самъ себѣ обозначилъ и цѣль, и назначеніе, и призваніе. Онъ слился съ которою нибудь толпою. Онъ счастливъ по-своему. Человѣчество конечно не много выиграло пріобрѣтеніемъ этого новаго адепта, но и не потеряло.

Если бы поприще каждаго изъ насъ всегда непремѣнно оканчивалось такимъ выборомъ одной толпы или одного взгляда; если бы пути и направленія послѣдователей различныхъ взглядовъ шли всегда паралельно одни съ другими и съ направленіемъ огромной толпы, движимой силою инерціи; то все бы тѣмъ и кончилось, что общество осталось бы вѣчно раз-

дѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Столкновеній между ними нечего бы было опасаться. Всѣ бы спокойно забыли то, о чемъ имъ толковало воспитаніе. Оно сдѣлалось бы продажнымъ билетомъ для входа въ театръ. Все шло бы спокойно. Жаловаться было бы не на что.

Но вотъ бѣда:

Люди, родившіеся съ притязаніями на умъ, чуство, нравственную волю, иногда бываютъ слишкомъ воспріимчивы къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота Высокое и Святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти по неволѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаютъ съ тѣмъ, что̀ ихъ окружаетъ, и, переходя отъ одного взгляда къ другому, вникаютъ, сравниваютъ и пытаютъ; все глубже и глубже роются въ рудникахъ своей души, и, неудовлетворенные стремленіемъ общества, не находятъ и въ себѣ внутренняго спокойствія; хлопочутъ, какъ бы согласить вопіющія противорѣчія; оставляютъ поочередно и то и другое; съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни; стараются, во что̀ бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся *проложить новые пути.*

Люди, родившіеся съ преобладающимъ чуствомъ, живостію ума и слабостію воли, не выдерживаютъ этой внутренней борьбы, устаютъ, отдаются на произволъ и бродятъ на распутьи. Готовые пристать туда и сюда, они дѣлаются, по мѣрѣ ихъ способностей, то невѣрными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А, съ другой стороны, удовлетворенные и ревностные послѣдователи различныхъ взлядовъ не идутъ паралельно ни съ массою, ни съ другими толпами. Пути ихъ пересѣкаются и сталкиваются между собою. Менѣе ревностные, слѣдуя

вполовину нѣсколькимъ взлядамъ вмѣстѣ, образуютъ новыя комбинаціи.

Этотъ разладъ сектаторовъ и инертной толпы, этотъ раздоръ нравственно-религіозныхъ основъ нашего воспитанія съ столкновеніемъ противоположныхъ направленій общества, при самыхъ твердыхъ политическихъ основаніяхъ, можетъ все таки рано или поздно поколебать его.

На-бѣду еще, эти основы не во всѣхъ обществахъ крѣпки, движущіяся толпы громадны, а правительства, какъ исторія учитъ, не всегда дальнозорки.

Существуютъ только *три* возможности или *три* пути вывести человѣчество изъ этого ложнаго и опаснаго положенія:

Или согласить нравственно-религіозныя основы воспитанія съ настоящимъ направленіемъ общества.

Или перемѣнить направленіе общества.

Или, наконецъ, приготовить насъ воспитаніемъ къ внутренней борьбѣ, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой.

Слѣдовать первымъ путемъ не значило бы ли искажать то, что намъ осталось на землѣ Святаго, Чистато и Высокаго. Одна только упругая нравственность Фарисеевъ и Іезуитовъ можетъ поддѣлываться высокимъ къ низкому, и соглашать произвольно вѣчныя истины нашихъ нравственно-религіозныхъ началъ съ меркантильными и чувственными интересами, преобладающими въ обществѣ. Исторія показала, чѣмъ окончились попытки Папизма, подъ личиною Іезуитства, ультра-реформаторовъ и энциклопедистовъ, шедшихъ этою тропою человѣческихъ заблужденій.

Измѣнить направленіе общества есть дѣло Промысла и времени.

Остается третій путь. Онъ труденъ, но возможенъ: избравъ его, придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя.

Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно :

«Сдѣлать насъ людьми»,

то есть, тѣмъ, чего не достигнетъ ниодна ваша *реальная школа* въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, *съ самаго нашего дѣтства*, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ.

Человѣку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое вниманіе и всю волю, въ одно и тоже время, на занятіяхъ, требующихъ напряженія совершенно различныхъ свойствъ духа.

Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

На чемъ основано приложеніе реальнаго воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

Одно изъ двухъ: *или* въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго; *или* же воспитаніе этой школы съ самаго его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной, практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлію практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки

ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества.

Отвѣчайте мнѣ, положивъ руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступить на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?

Не спѣшите съ вашею прикладною реальностію. Дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку; наружный успѣетъ еще дѣйствовать; онъ, выходя позже, но управляемый внутреннимъ, будетъ, можетъ быть, не такъ ловокъ, не такъ сговорчивъ и уклончивъ, какъ воспитанники реальныхъ школъ; но за то на него можно будетъ вѣрнѣе положиться; онъ не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а, главное, у васъ будутъ люди и граждане.

Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я возстаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители такъ самоуправно распоряжаются участью своихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ по разнымъ соображеніямъ и расчетамъ предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣ-

ческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній.

Кто далъ право отцамъ, матерямъ и воспитателямъ властвовать самоуправно надъ благими дарами Творца, которыми Онъ снабдилъ дѣтей?

Кто научилъ, кто открылъ, что дѣти получили врожденныя способности и врожденное призваніе играть именно ту роль въ обществѣ, которую родители сами имъ назначаютъ? — Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ по-неволѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ!

И развѣ нѣтъ другаго средства, другаго пути, другаго механизма для реально-спеціальнаго воспитанія? Развѣ нѣтъ другой возможности получить спеціально-практическое образованіе, въ той или другой отрасли человѣческихъ знаній, какъ распространяя его на счетъ общаго человѣческаго образованія?

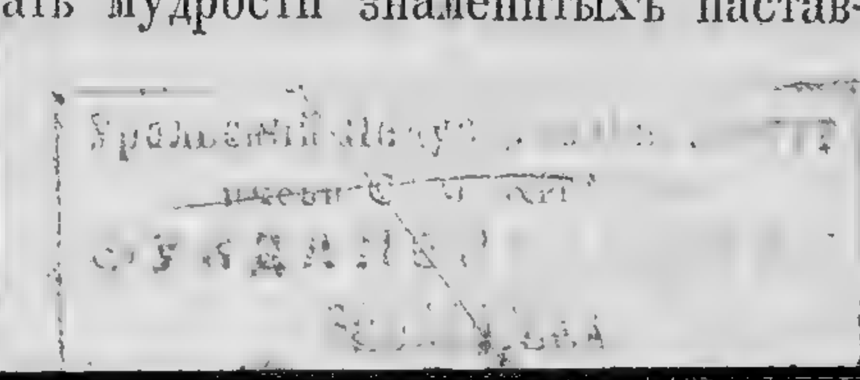
Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!

Еще со временъ языческой древности существуютъ два рода образованія:

Общечеловѣческое и спеціальное или реальное.

Въ Аѳинахъ и Родосѣ философы имѣли право содержать школы для общечеловѣческаго образованія. Не вдалекѣ отъ Аѳинъ, между свѣтлыми источниками, окруженныя садами, размѣщены были самыя главнѣйшія изъ нихъ.

Въ серединѣ стояла школа эпикурейцевъ, къ сѣверу отъ нея жили послѣдователи Платона, а къ югу ученики Аристотеля. Мирты и оливы раздѣляли одно ученіе отъ другаго, и служили границами различныхъ взглядовъ на жизнь и свѣтъ (Pauw). Учители и ученики жили обществами, вмѣстѣ; кромѣ учениковъ и постороннимъ лицамъ входъ былъ открытъ. Со всѣхъ сторонъ и изъ отдаленныхъ земель стекались любознатели слушать мудрости знаменитыхъ настав-

никовъ. Философія и краснорѣчіе были самыми главными предметами занятія. Не всѣ реальныя науки въ то время были рѣзко отдѣлены отъ философіи: онѣ обыкновенно преподавались вмѣстѣ съ нею, такъ что главнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ считалась философія. Богъ, свѣтъ и человѣкъ были главнѣйшими предметами отвлеченныхъ созерцаній. — Краснорѣчіе было въ то время искусствомъ, тѣсно соединеннымъ съ гражданскимъ бытомъ и исторіею народа. Поэтому и философія и краснорѣчіе считались самыми существенными и самыми необходимыми предметами для общечеловѣческаго образованія.

Сверхъ этого, и въ Греціи, и въ Римѣ, и въ Египтѣ существовали еще и спеціальныя школы. Палестры и гимназіи Греціи, находившіяся подъ надзоромъ магистрата (тогда какъ школы философовъ были частныя учрежденія, въ управленіе и ученіе которыхъ греческое правительство не вмѣшивалось), занимались преимущественно приготовленіемъ учениковъ къ Олимпійскимъ и другимъ публичнымъ играмъ; въ Римѣ существовало училище правовѣденія; въ Александріи — училище математическихъ и физическихъ наукъ, и т. п.

Въ средніе вѣка христіанская религія сдѣлалась первая покровительницею и разсадникомъ потухшаго просвѣщенія.

Начало университетовъ и спеціальныхъ училищъ образовалось постепенно изъ монастырскихъ, орденскихъ школъ. Спеціальныя школы Парижа и Оксфорда, назначенныя сначала для обученія философіи и богословію, и находившіяся подъ покровительствомъ и надзоромъ духовенства, постепенно получили особыя права и привилегіи, и возвысились на степень первыхъ, въ то время, университетовъ. Пишутъ, что въ тринадцатомъ столѣтіи въ Парижскомъ Университетѣ было до 10.000, а въ Оксфордскомъ даже до 30.000 студентовъ. Съ этимъ мощнымъ развитіемъ общечеловѣческаго или университетскаго образованія въ Европѣ не могли болѣе состязаться спеціальныя монастырскія школы, и начали съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе приходить въ упадокъ.

Въ новѣйшія времена, наконецъ, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ различныхъ отраслей человѣческаго знанія и гражданскаго быта, университеты и спеціальныя училища достигли постепенно той степени развитія, на которой мы ихъ теперь находимъ. Различіе въ назначеніи и цѣли тѣхъ и другихъ ясно обозначились. Правительства всѣхъ образованныхъ націй, понявъ это болѣе или менѣе ясно, упрочили новыми правами существованіе этихъ разсадниковъ народнаго просвѣщенія.

Въ различныхъ странахъ, по мѣрѣ временныхъ, иногда случайныхъ надобностей, возникало и усвоивалось болѣе то университетское, или общечеловѣческое, то прикладное, или спеціальное направленіе воспитанія.

Но ниодно образованное правительство, какъ бы оно ни нуждалось въ спеціалистахъ, не могло не убѣдиться въ необходимости общечеловѣческаго образованія. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ университетскіе факультеты почти превратились въ спеціальныя училища; но нигдѣ еще не исчезло совершенно ихъ существенное и первобытное стремленіе къ главной цѣли: общечеловѣческому образованію.

Имѣя въ виду этотъ прямой, широко открытый путь къ «*образованію людей*», для чего бы, казалось, имъ не пользоваться?

Для чего бы не приспособить его еще лучше къ вопіющимъ потребностямъ настоящаго?

Для чего не расширить и не открыть его еще болѣе для насъ, столь нуждающихся въ истинно-человѣческомъ воспитаніи?

Но, общечеловѣческое воспитаніе не состоитъ еще въ одномъ университетѣ; къ нему принадлежатъ и приготовительно-университетскія школы, направленныя къ одной и тойже благой и общей цѣли, учрежденныя въ томъ же духѣ, и съ тѣмъ же направленіемъ.

Всѣ готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми.

Поэтому всѣ, до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются ихъ склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія. Не даромъ извѣстныя свѣдѣнія издавна называются: «humaniora», то есть, необходимыя для каждаго человѣка. Эти свѣдѣнія, съ уничтоженіемъ язычества, съ усовершенствованіемъ наукъ, съ развитіемъ гражданскаго быта различныхъ націй, измѣненныя въ ихъ видѣ, остаются навсегда однакоже тѣми же свѣтильниками на жизненномъ пути и древняго, и новаго человѣка.

И такъ, направленіе и путь, которымъ должно совершаться общечеловѣческое образованіе для всѣхъ и каждаго, кто хочетъ заслужить это имя, ясно обозначено.

Оно есть самое естественное и самое непринужденное.

Оно есть и самое удобное и для правительствъ, и для подданныхъ.

Для правительствъ, потому что всѣ воспитанники до извѣстнаго возраста будутъ образоваться, руководимые совершенно однимъ и тѣмъ же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою же цѣлію; слѣдовательно, нравственно-научное воспитаніе всѣхъ будущихъ гражданъ будетъ находиться въ однѣхъ рукахъ. Всѣ виды, всѣ благія намѣренія правительствъ къ улучшенію просвѣщенія будутъ исполняться послѣдовательно, съ одинакою энергіею и одновѣдомственными лицами.

Для подданныхъ, потому что всѣ воспитанники до вступленія ихъ въ число гражданъ будутъ дружно пользоваться одинакими правами и одинаковыми выгодами воспитанія.

Это тождество духа и правъ воспитанія должно считать выгоднымъ не потому, что будто бы вредно для общества раздѣленіе его на извѣстныя *корпораціи*, происходящія отъ разнообразнаго воспитанія. Нѣтъ, напротивъ, я вижу въ поощреніи корпорацій средство: поднять нравственный бытъ различныхъ классовъ и сословій, вселить въ нихъ уваженіе къ ихъ занятіямъ и къ кругу дѣйствій, опредѣленному для

нихъ судьбою. Но, чтобы извлечь пользу для общества изъ господствующаго духа корпорацій, нужно способствовать къ его развитію не прежде полнаго развитія всѣхъ умственныхъ способностей въ молодомъ человѣкѣ. Иначе, должно опасаться, что это же самое средство будетъ и ложно понято, и некстати приложено.

Есть, однакоже, немаловажныя причины, оправдывающія существованіе спеціальныхъ школъ во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ.

Сюда относится почти жизненная потребность, для нѣкоторыхъ націй, въ спеціальномъ образованіи гражданъ по различнымъ отраслямъ свѣдѣній и искусствъ, самыхъ необходимыхъ для благосостоянія и даже для существованія страны, и именно когда ей предстоитъ постоянная необходимость пользоваться, какъ можно скорѣе и какъ можно обширнѣе, плодами образованія молодыхъ спеціалистовъ.

Но, *во первыхъ*, нѣтъ ниодной потребности для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность «въ истинныхъ людяхъ». Количество не устоитъ передъ качествомъ. А если и превозможетъ, то все таки, рано или поздно, подчинится не произвольно, со всею его громадностію, духовной власти качества.

Это историческая аксіома.

Во вторыхъ, общечеловѣческое или университетское образованіе нисколько не исключаетъ существованія такихъ спеціальныхъ школъ, которыя занимались бы практическимъ или прикладнымъ образованіемъ молодыхъ людей, уже приготовленныхъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ.

А спеціальныя школы и цѣлое общество несравненно болѣе выиграютъ, имѣя въ своемъ распоряженіи нравственно и научно, въ одномъ духѣ и въ одномъ направленіи приготовленныхъ учениковъ.

Учителямъ этихъ школъ придется сѣять уже на воздѣланномъ и разработанномъ полѣ. Ученикамъ придется легче

усвоивать принимаемое. Наконецъ, развитіе духа корпорацій, понятіе о чести и достоинствѣ тѣхъ сословій, къ вступленію въ которыя приготовляютъ эти школы, будетъ и своевременно и сознательно для молодыхъ людей, достаточно приготовленныхъ общечеловѣческимъ воспитаніемъ.

Да и какіе предметы составляютъ самую существенную цѣль образованія въ спеціальныхъ школахъ?

Развѣ не такіе, которые требуютъ для ихъ изученія уже полнаго развитія душевныхъ способностей, тѣлесныхъ силъ, талантовъ и особаго призванія?

Къ чему же, скажите, спѣшить такъ и торопиться съ спеціальнымъ образованіемъ? Къ чему начинать его такъ преждевременно?

Къ чему промѣнивать такъ скоро выгоды общечеловѣческаго образованія на прикладной, односторонній спеціализмъ?

Я хорошо знаю, что исполинскіе успѣхи наукъ и художествъ нашего столѣтія сдѣлали спеціализмъ необходимою потребностію общества; но, въ то же время, никогда не нуждались истинные спеціалисты такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ.

Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ.

Отыскавъ самое удобное и естественное направленіе, которымъ должно вести нашихъ дѣтей, готовящихся принять на себя высокое званіе человѣка, остается еще, главное, рѣшить одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ жизни: «*какимъ способомъ, какимъ путемъ приготовить ихъ къ неизбѣжной, имъ предстоящей борьбѣ?*

Каковъ долженъ быть юный атлетъ, приготовляющійся къ этой роковой борьбѣ?

Первое условіе: онъ долженъ имѣть отъ природы хотя какое-нибудь *притязаніе на умъ и чувство.*

Пользуйтесь этими благими дарами Творца; но не дѣ-

лайте одаренныхъ безсмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума. — Вотъ второе условіе.

Вы скажете, что это общія, риторическія фразы.

Но я не виноватъ, что безъ нихъ не могу выразить того идеала, котораго достигнуть я, такъ горячо, такъ искренно желаю и моимъ, и вашимъ дѣтямъ.

Не требуйте отъ меня бо́льшаго; больше этого у меня нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Пусть ваши педагоги, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, лучше меня одаренные, съ горячей любовью къ правдѣ и ближнему, постараются изъ моихъ и вашихъ дѣтей сдѣлать то, чего я такъ искренно желаю, и я обѣщаюсь никого не безпокоить риторическими фразами, а молчать, и молча за нихъ молиться.

Повѣрьте мнѣ. Я испыталъ эту внутреннюю, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности и, не знаю, — тотъ ли же успѣхъ. — Молитесь и не осуждайте.

Вы не хотите слышать общихъ и отвлеченныхъ положеній; вы хотите имѣть подробное изложеніе всего механизма, которымъ бы можно было достигнуть желаемой цѣли.

Подождите немного! я прежде вамъ представлю *въ лицахъ*, какъ приготовлялись и приготовляемся мы теперь къ этой борьбѣ, какъ мы ее ведемъ на поприщѣ жизни, и тогда, можетъ быть, вы поймете, безъ риторическихъ фразъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, и мой механизмъ. — Во всякомъ случаѣ онъ не будетъ хуже общепринятаго.

Начнемъ ab ovo. Сначала пусть каждый или каждая изъ васъ представитъ себѣ, что онъ или она принадлежитъ къ числу тѣхъ членовъ нашего общества, которые имѣютъ притязаніе на умъ и чувство. Представьте, что вы, по ми-

лости другихъ особъ, которыхъ вы иногда и въ лице не знаете, родились, какъ водится, на свѣтъ.

Васъ крестили. Вы въ свою очередь выросли.

Понемногу, Богу одному извѣстно для чего, въ васъ родилось желаніе *осмотрѣться.*

До сихъ поръ вы составляли, съ другими вамъ подобными, на всемъ пространствѣ земли, одинъ общій классъ счастливыхъ существъ, который Самимъ Искупителемъ былъ поставленъ въ образецъ человѣчеству.

Теперь же, подросши и немного осмотрѣвшись, вы видите себя въ одномъ изъ слѣдующихъ, различныхъ видовъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, всѣ пуговицы застегнуты, все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы мальчикъ. Теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы спрашиваете: кто вы такой?

Вы узнаете, что вы ученикъ Гимназіи и со временемъ можете сдѣлаться ученымъ человѣкомъ, — ревностнымъ распространителемъ просвѣщенія: студентомъ Университета, кандидатомъ, магистромъ и даже директоромъ училища, въ которомъ вы учитесь. Вамъ весело.

Вотъ первый видъ.

Осмотрѣвшись, вы видите себя въ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ и съ золотою петлицею.

Вы спрашиваете: что это значитъ?

Вамъ отвѣчаютъ, что вы ученикъ Правовѣденія, будете навѣрное блюстителемъ закона и правды, дѣловымъ чиновникомъ, директоромъ высшихъ судебныхъ мѣстъ. Вамъ весело и лестно.

Вотъ второй видъ.

Осмотрѣвшись, вашъ взоръ останавливается на красномъ или бѣломъ кантикѣ мундира и воротника. Вы тоже спрашиваете.

Вамъ отвѣчаютъ громко, что вы назначаетесь для защиты родной земли, — вы кадетъ, будущій офицеръ, и можете

сдѣлаться генераломъ, адмираломъ, героемъ. Вы въ восхищеніи.

Вы осмотрѣлись и видите, что вы въ юпкѣ. Прическа головы, передникъ, талья и все — въ порядкѣ. Вы и прежде слыхали, что вы дѣвочка; теперь вы это видите на дѣлѣ.

Вы очень довольны, что вы не мальчикъ, и дѣлаете книксенъ.

Вотъ четвертый, но также еще не послѣдній видъ.

Узнавъ все это, вы спрашиваете: что же вамъ дѣлать?

Вамъ отвѣчаютъ: учитесь, слушайтесь и слушайте, ходите въ классы, ведите себя благопристойно и отвѣчайте хорошо на экзаменахъ; безъ этого вы ни къ чему не будете годиться.

Вы учитесь, посѣщаете классы, ведете себя прилично и отвѣчаете на экзаменахъ хорошо.

Проходятъ годы. Выросши до нельзя изъ себя, вы начинаете уже рости въ себя.

Вы замѣчаете, наконецъ, что вы дѣйствительно уже студентъ, окончившій курсъ Университета, правовѣдъ, бюрократъ, офицеръ, дѣвушка — невѣста.

На этотъ разъ вы уже не спрашиваете: кто вы такой? и что вамъ дѣлать? Вы это сами уже понимаете и сами должны знать, что теперь дѣлать.

Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и въ такомъ объемѣ, которые необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Безнравственныя книги, остановленныя цензурою, никогда не доходили до васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное правительство открыли для васъ ваше поприще.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучать для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось бы, еще не доставало для вашего счастія и для блага цѣлаго общества?

Выходитъ другое.

Вы достигли теперь того періода жизни, въ которомъ и умъ и чувство начинаютъ уже тревожить васъ. Первый, задавая вамъ такіе вопросы, которыхъ вы не въ состояніи рѣшить; второе, поджигая противъ васъ безпрестанно инстинкты и чувственность.

Вы начинаете теперь понемногу вникать и анализировать, чему васъ учили, и что дѣлается вокругъ васъ.

Вы вспоминаете, васъ учили, что когда-то существовалъ другой міръ, въ которомъ люди и мыслили и поступали не такъ, какъ должно. Они жили здѣсь, чтобы жить. Пили, ѣли, ходили въ бани, нѣжились, дрались, кутили на пропалую.

Васъ учили, что между ними были и герои, и именитые граждане, и образцы добродѣтели, и покровители наукъ и искуствъ; но большая часть вообще все таки ходили въ потемкахъ, не зная ничего лучшаго кромѣ здѣшней жизни. Ихъ Адъ и Элисейскія поля были гдѣ-то тоже на землѣ или подъ землею, да и то не для души, а для тѣней.

Васъ учили, что воплощенное Слово положило конецъ безтолковому разгулу ума и чувства.

Міръ получилъ Откровеніе.

Васъ учили, что Откровеніе, поднявъ таинственную завѣсу, показало отдаленный горизонтъ настоящей жизни и сказало: «стремись туда».

Вы узнали въ школѣ, и должны были узнать, какая бездна отдаляетъ васъ отъ развалинъ того разрушеннаго міра, который только въ самомъ себѣ искалъ препоны страстей, не имѣя будущаго за своими предѣлами.

Благоговѣющіе къ благодатному ученію Откровенія, вы озираетесь вокругъ себя, и что же?

Вы видите, что окружающіе васъ разыгрываютъ тѣ же грязныя вакханаліи паганизма, которыя Оно объявило роковою препоною къ достиженію истиннаго счастія.

Выступивъ на поприще жизни, вы видите, что всѣ бѣгутъ съ него въ Калифорнію.

Видя это ясно, вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифированы. Натурально, вы не хотите долго оставаться мистифированными.

Вы начинаете еще глубже вникать въ окружающее васъ, анализировать и, наконецъ, вы ясно замѣчаете предъ собою одну огромную толпу, безсознательно влекомую невидимою силою, и нѣсколько другихъ меньшихъ, но дѣйствующихъ не безъ сознанія.

Вы начинаете знакомиться съ взглядами и поступками этихъ дѣйствующихъ группъ.

Сначала это васъ интересуетъ. Но скоро вы убѣждаетесь, что вамъ предстоитъ безутѣшная алтернатива:

Или заглушить въ себѣ голосъ Завѣтнаго Ученія.

Или пристать къ одной изъ этихъ группъ.

Но вы не атлетъ ни святотатства, ни самоотверженія. Вы начинаете колебаться, сѣтовать, роптать. А время летитъ; нужно дѣйствовать.

Вы бросаетесь въ первую, вамъ попавшуюся толпу, и дѣлаетесь ея ревностнымъ послѣдователемъ.

Не удовлетворенные, переходите къ другой, и къ третьей.

Наконецъ, для васъ наступаетъ самый критическій періодъ жизни.

Вамъ нужно вывести себя положительно на чистую воду; узнать рѣшительно: кто вы такой?

Пристать ли вамъ окончательно къ одной толпѣ, вступить ли въ борьбу со всѣми?

Вы рѣшаетесь на первое. Прощайте. Я съ вами болѣе не имѣю дѣла.

Вы рѣшаетесь на второе. Но готовы ли вы? Гдѣ ваши средства и силы?

Немного разсудивъ объ этомъ, вы ясно убѣждаетесь, что для этой борьбы вамъ нужно спачала перевоспитать себя. Рѣшившись на это, вы бросаете еще взглядъ на вашу прошлую жизнь и мало-по-малу узнаете, что у васъ или внутренній человѣкъ, развившись слишкомъ рано и скоро, пересилилъ черезъ-чуръ наружнаго, ни на минуту не хотѣлъ отдохнуть въ немъ, безпрестанно рвался вонъ, деспотствовалъ; или наружный, распущенный, игралъ по произволу, кутилъ, и внутреннему не подчинялся.

Воспитатели были или слишкомъ близоруки, или слишкомъ заняты, и не замѣтили, что въ васъ происходило.

Такъ прошла юность.

Вашъ внутренній или наружный человѣкъ, убѣдившись наконецъ опытомъ, что дѣйствуетъ противъ себя же самаго, уставъ, мало по малу остепенился.

Пріучившись немного вникать въ себя, вы видите, что вамъ осталось *одно изъ двухъ*:

Или сказать вѣчное прости отвлеченію, не пытаться далѣе вникать въ себя, закабалить себя въ желѣзный панцырь формы, одѣть жизнь въ мундирный фракъ, въ накрахмаленную юпку, и въ книгѣ вашего бытія разбирать не смыслъ, а мертвую букву.

Или же, съ утра и до ночи, роясь въ тайникахъ души, подстерегая всѣ мгновенія ея нравственной свободы, заставить ее рѣшить вопросы жизни, вступивъ въ борьбу съ собою и съ окружающимъ.

И, вотъ проведя полжизни, испытавъ на себѣ вліяніе различныхъ взглядовъ, предпринявъ, во что бы то ни стало, перевоспитать себя, разобравъ прошедшее, вы остановились на распутьи вашего поприща. Лѣнь и страхъ одолѣваютъ васъ. Наслажденіе подъ сѣнію мірскаго счастія и спокойной формы манитъ васъ на перепутье. Тысячи и тысячи внѣшнихъ обстоятельствъ такъ заманчиво располагаются около васъ, что всѣ ваши предположенія рѣшить вопросы жизни, которые, было, такъ стройно вытянулись предъ вами,

послѣдовательною нитью, начинаютъ колебаться и сбиваться.

Вы думали, было, что вы уже *убѣждены.*

Вы убѣждаетесь, что *убѣжденія* даются не каждому. Это даръ Неба, требующій усиленной разработки. Прежде, чѣмъ вамъ захотѣлось имѣть убѣжденія, нужно было бы узнать: можете ли вы еще ихъ имѣть.

Только тотъ можетъ имѣть ихъ, *кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя*, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни *любить искренно правду*, *стоять за нее горою, и быть непринужденно откровеннымъ* какъ съ *наставниками*, такъ и съ *сверстниками.* Безъ этихъ свойствъ вы никогда не достигнете никакихъ убѣжденій.

А эти свойства достигаются: вѣрою, вдохновеніемъ, нравственною свободою мысли, способностію отвлеченія, упражненіемъ въ самопознаніи.

Вы дошли теперь до самыхъ первыхъ, самыхъ главныхъ основъ истинно-человѣческаго воспитанія, безъ которыхъ, конечно, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей.

И такъ, вы видите, что вамъ приходится съ неимовѣрнымъ трудомъ пріобрѣтать то, что съ перваго вступленія вашего на поприще жизни должно бы быть вашею неотъемлемою собственностію.

Не лучше ли воротиться назадъ, попробовать опять пристать къ той или другой толпѣ и быть счастливымъ по своему?

Прожить полжизни и не знать себя, это плохо.

Все лучше, однакоже, чѣмъ умереть, не знавъ себя.

Вы принимаетесь опять за дѣло. Вы начинаете развивать въ себѣ способность къ убѣжденіямъ, и скоро убѣждаетесь, что вы тронули этимъ лишь одну струну *самопознанія*; а чтобы вступить въ борьбу, вамъ нужно владѣть имъ *какъ нельзя лучше.*

И вотъ, вы становитесь теперь наблюдателемъ у неизмѣримаго кратера души и не умѣете еще подстеречь быстролетныхъ мгновеній, когда затихаетъ изверженіе вѣчно клокочущей лавы, боясь даже украдкою взглянуть въ эту страшную глубину.

Вы пытаетесь начать борьбу и убѣждаетесь, что вы не умѣете ее вести *безъ вражды*, не умѣете *любить* безпристрастно то, съ чѣмъ боретесь; не умѣете достаточно *оцѣнить* того, что хотите побѣдить.

Но чтобы любить, съ чѣмъ вы боретесь, и устоять въ такой борьбѣ — вамъ нужно еще одно свойство.

Вамъ нужна способность *жертвовать собою.*

Не образовавъ ее въ себѣ, влекомые однимъ неяснымъ, безсознательнымъ ощущеніемъ Высокаго, вы превращаетесь въ *искателя сильныхъ ощущеній.*

Кто съ изумленіемъ не видитъ, какъ распространена, въ нашемъ вѣкѣ реализма, эта болѣзнь временъ рыцарства. Убѣдитесь же изъ этого, что никакое матеріальное или практическое направленіе въ свѣтѣ не въ состояніи уничтожить *вдохновеніе* въ человѣкѣ.

Исканіе сильныхъ ощущеній есть одно изъ его ненормальныхъ проявленій.

Грусть или, какъ будто тоска по родинѣ овладѣваетъ вами. Вы чувствуете пустоту, вамъ не достаетъ чего-то.

Вамъ нужны *вдохновеніе* и *сочувствіе.*

Свѣтло и торжественно вдохновеніе; оно, какъ праздничная одежда, облекаетъ духъ, устремляя его на небо.

Томно и тихо сочувствіе; оно, какъ заунывная пѣснь, напоминаетъ отдаленную родину.

Какая борьба можетъ совершиться безъ вдохновенія и безъ сочувствія? Какая борьба покажется вамъ нестерпимою, когда вдохновеніе осѣнитъ, когда сочувствіе согрѣетъ васъ.

Если послѣдователи торговаго направленія, въ нашемъ реальномъ обществѣ, намъ съ улыбкою намекаютъ, что теперь не нужно вдохновенія, то они не знаютъ, какая горь-

кая участь ожидаетъ ихъ въ будущемъ, пресыщенныхъ и утратившихъ Небесный даръ, единственную нашу связь съ Верховнымъ Существомъ.

Всѣ, — и тѣ, которые въ немъ не нуждаются, ищутъ вдохновенія; но только подобно дервишамъ и шаманамъ, — по-своему.

Безъ вдохновенія нѣтъ *воли*; безъ воли нѣтъ борьбы; а безъ борьбы ничтожество и произволъ

Безъ вдохновенія умъ слабъ и близорукъ.

Чрезъ вдохновеніе мы проникаемъ въ глубину души своей и, однажды проникнувъ, выносимъ съ собою то убѣжденіе, что въ насъ существуетъ Завѣтно-Святое.

Нуждаясь въ сочувствіи, вы невольно думаете: можно ли надѣяться, чтобы мнѣ сочувствовали, чтобы другіе взяли на себя трудъ узнать меня, тогда какъ мнѣ самому стоило столько труда, борьбы и усилій вымолить отъ собственной моей души позволеніе взглянуть въ нее, и то украдкою.

Не лучше ли, проживъ болѣе полжизни, прошедъ чрезъ школу самопознанія, узнавъ толпу и толпы, и научившись жертвовать собою, сдѣлаться однимъ холоднымъ и буквальнымъ исполнителемъ моего призванія, сочувствуя другимъ только по долгу, и не призывая никакой взаимности?

Вы вспоминаете невольно, какимъ участіемъ угощало человѣчество лучшихъ друзей своихъ, когда, съ полнымъ сознаніемъ высокаго, они увлекались вдохновеніемъ и сочувствіемъ. Оно искони было однимъ только искателемъ сильныхъ ощущеній. Когда и какое добро принимало оно изъ рукъ своихъ благодѣтелей, не омывъ его багряною влагою жизни?

Не Онъ, не воплощенное Слово любви и мира, а совершитель кровавыхъ дѣлъ, Варрава, былъ подаренъ участіемъ.

Но потомство — безсмертіе земли! Не должны ли мы дорожить его сочувствіемъ?

Да, все, что̀ живетъ на землѣ, животно-духовною жизнью, и въ грубомъ инстинктѣ, и въ идеалѣ Высокаго

проявляетъ мысль о потомствѣ и, безсознательно и сознательно, стремится жить въ немъ. О, еслибы самопознаніе хотя бы только до этой степени могло быть развито въ толпахъ, бѣгущихъ отвлеченія! Если бы этотъ слабый проблескъ идеи безсмертія одушевилъ ихъ, то и тогда бы уже земное бытіе человѣчества исполнилось дѣлами, предъ которыми потомство преклонилось бы съ благоговѣніемъ. Тогда исторія, до сихъ поръ оставленная человѣчествомъ безъ приложенія, достигала бы своей цѣли остерегать и одушевлять его

Не говорите, что не всякій можетъ дѣйствовать для потомства. Всякій въ своемъ кругу. Одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоящемъ.

Вы дошли теперь до убѣжденія, что, живя, здѣсь, на землѣ, вы привязаны участіемъ къ этой отчизнѣ, — должны искать его; но отыскивая должны жить не въ настоящемъ, а въ потомствѣ.

И такъ, когда потребность въ сочувствіи однажды родилась у васъ, гдѣ искать ее, какъ не въ потомствѣ всего человѣчества и вашей собственной семьѣ?

И вотъ, вамъ предстоитъ теперь въ вашей борьбѣ рѣшить еще одинъ вопросъ жизни.

Но, прежде этого, вы еще разъ останавливаетесь и озираетесь опять невольно назадъ. Вы видите, что уже давно истерты мундиръ и юпка, въ которыхъ вы увидѣли себя, когда вамъ вздумалось въ первый разъ въ жизни осмотрѣться. Сбылись и не сбылись тѣ предвѣщанія, которыми вы такъ когда-то восхищались, смотря и на мундиръ, и на вашъ корсетъ, и ощущая, что подъ ними такъ тихо и такъ сладко волновалось.

Вы вспоминаете, какъ наряженные въ мундиръ, затянутые въ корсетъ, вы въ полной формѣ выступили на поприще свѣта; какъ радовались вы, глядя на Божій свѣтъ. Горе съ ранней поры не принуждало слезами нищеты орошать насущный хлѣбъ вашъ; думы заботъ и треволненья

вседневной жизни не тревожили дѣтскаго сна; вамъ такъ и рвалось кружиться и ликовать въ шумныхъ хороводахъ толпы.

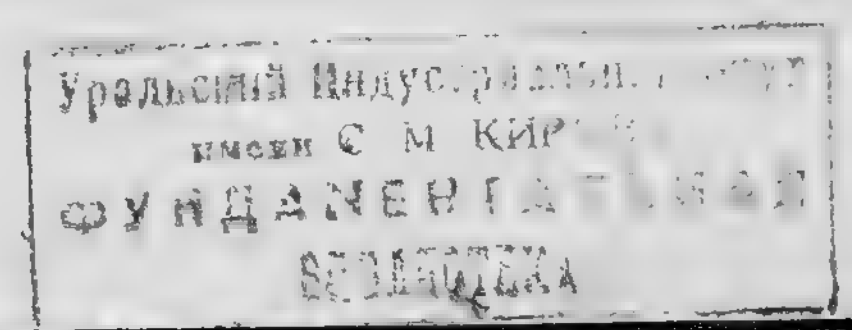
Въ этомъ чаду разгулья вамъ и въ голову не приходило подумать, что вы еще не воспитаны. Какъ это могло быть, когда разноцвѣтный воротникъ мундира, корсетъ и юпка, облекавшіе стройно вашъ станъ, иностранные языки, на которыхъ вы читали и ловко объяснялись, нравственныя и ученыя книги, по которымъ вы учились, клавикорды, на которыхъ вы бѣгло играли, такъ ясно показывали вамъ, что вы воспитаны какъ нельзя лучше?

Прошло нѣсколько счастливыхъ лѣтъ въ этомъ убѣжденіи; вашъ умъ и чувство, которые, благодаря судьбѣ, еще не успѣли совсѣмъ оглохнуть и онѣмѣть отъ шума и ликованья, начали вамъ нашептывать что-то въ родѣ наставленій.

Вы бросили испытующій взглядъ на кружащіяся толпы, съ которыми вы до того такъ безсознательно кружились. Предъ вашими глазами открылась ясно Валпургіева ночь земнаго бытія. Блуждая между очарованными группами вамъ не легко было выбраться на свѣтъ изъ вакханалій чародѣйства. Пытаясь, падая, вы остановились, чтобы, собравшись съ силами, спросить себя: гдѣ вы? куда идете? чего вы хотите?

Теперь-то, наконецъ, началось для васъ то, съ чего бы нужно было давно начать вамъ, — нѣтъ, ошибаюсь я, не вамъ, а тѣмъ, которые пустили васъ въ бушующій разгулъ, — на своевольства пиръ. Сѣтуя на прошлое, въ борьбѣ съ собою, вы начали перевоспитывать себя. Трудясь и роясь въ душѣ, вы дошли до убѣжденій, вы научились жертвовать собою; борьба уже не такъ тревожитъ васъ. Съ трудомъ вы наконецъ, дошли и до извѣстной степени самопознанія. Вотъ и вдохновеніе васъ осѣнило.

Протекло полжизни. Въ минуты вхохновенія, когда вамъ можно было глубоко и проницательно взглянуть въ себя, вамъ открылся таинственный источникъ, котораго струи

должны васъ освѣжать на поприщѣ борьбы. Предчувствіе объ отдаленной вѣчности вы перенесли и на земное бытіе. Тоска по отдаленной родинѣ напомнила вамъ искать сочувствія.

Вы убѣдились, что, отыскивая земное участіе, вы хотите проявить мысль о безсмертіи въ семьѣ и обществѣ. Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ: какъ устроить вашъ семейный бытъ и какъ найти сочувствіе въ кругу своихъ?

Но что, если васъ не пойметъ та, въ которой вы хотите найти сочувствіе къ убѣжденіямъ, такъ дорого пріобрѣтеннымъ, въ которой вы ищете сотрудницу въ борьбѣ за идеалъ?

Взглядъ на прошедшее напомнитъ вамъ, что вы не должны предоставлять ни случаю, ни произволу, ни корыстной чувственности произнести приговоръ; его отголосокъ отзовется чрезъ четверть столѣтія на потомствѣ, которое, быть можетъ, будетъ попирать ногами давно забытый прахъ вашъ.

Что, если спокойная, безпечная въ кругу семьи, жена будетъ смотрѣть съ безсмысленною улыбкою идіота на вашу завѣтную борьбу? Или какъ Марфа, расточая всѣ возможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одною лишь мыслію: угодить и улучшить матеріальное, земное ваше бытіе? Что, если, какъ Ксантипа, она будетъ поставлена судьбою для испытанія крѣпости и постоянства вашей воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленныя полжизнію перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?

А знаете ли, что значитъ этотъ же вопросъ жизни для женщины, которая была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, которая, оставивъ дюжинное направленіе толпы, отчетливо и ясно постигаетъ, что въ будущемъ назначена ей жизни цѣль.

Мужчина, обманутый надеждою на сочувствіе въ семейномъ быту, какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ, еще можетъ себя утѣшить, что выраженіе его идеи — дѣла, найдутъ участіе въ потомствѣ. А каково женщинѣ,

въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно болѣе, и которой не достаетъ еще довольно опыта, чтобъ хладнокровнѣе перенести обманъ надежды, скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ жалко обманулась, который поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутитъ ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?

Гдѣ средства избѣжать всѣхъ этихъ горькихъ слѣдствій заблужденія?

Гдѣ средства съ полною надеждою успокоить вопіющую потребность къ сочувствію?

Что можетъ служить ручательствомъ въ успѣхѣ?

Ни возрастъ женщинъ, ни наше воспитаніе, какъ видите, ни опытъ жизни—не вѣрныя поруки.

Молодость влечетъ ихъ къ суетѣ. Воспитаніе дѣлаетъ куклу. Опытъ жизни родитъ притворство.

Еще счастлива та молодость, въ которой суета не совсѣмъ искоренила воспріимчивость души, въ которой свѣтъ, съ его мелочными приличіями, не успѣлъ оцѣпенить ее и сдѣлать недоступною къ убѣжденіямъ въ Высокомъ и Святомъ. Еще счастлива та молодость, когда толпы молодыхъ и старыхъ прислужниковъ, послѣдователей шаткихъ взглядовъ, воспользовавшись этой воспріимчивостію, не усыпили ее для высшихъ впечатлѣній, не уничтожили возможности понять, образовать себя.

Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы, падаетъ на колѣна предъ Провидѣніемъ, когда положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святаго вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли.

Правда, вступая въ свѣтъ, женщина менѣе, чѣмъ мущина, подвергается грустнымъ слѣдствіямъ разлада основныхъ началъ воспитанія съ направленіемъ общества. Она рѣже осуждена бываетъ снискивать себѣ трудами насущный

хлѣбъ и жить совершенно независимо отъ мущины. Торговое направленіе общества менѣе тяготитъ надъ нею. Въ кругу семьи ей отданъ на сохраненіе тотъ возрастъ жизни, который не лепечетъ еще о золотѣ.

Но зато воспитаніе, обыкновенно, превращаетъ ее въ куклу. Воспитаніе, наряжая, выставляетъ ее на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ, такъ какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а чрезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эманципація, вотъ эта мысль. Паденіе — вотъ первый шагъ.

Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ. Не всякій — врачь. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велитъ въ помойныхъ ямахъ рыться, пытать и нюхать то, что отвратительно смердитъ. Однакоже раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужны, какъ и для мущины. Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ, — ей также нужно знать искуство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе, чтобъ избирать, и чтобы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей.

Если женскіе педанты, толкуя объ эманципаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ, — онѣ правы. Если же онѣ разумѣютъ эманципацію общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ.

Женщина эманципирована и такъ уже, да еще можетъ быть болѣе, нежели мущина. Хотя ей и нельзя по нашимъ законамъ сдѣлаться солдатомъ, чиновникомъ, министромъ, но развѣ можно сдѣлаться мущинѣ кормилицею и матерью — воспитательницею дѣтей, до 8 лѣтняго ихъ возраста? Развѣ онъ можетъ сдѣлаться связью общества, цвѣткомъ и укра-

шеніемъ его? Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видитъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя.

Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ, — искуство, вдохновеніе, наука — не должно слишкомъ сродняться съ вседневной жизнію; оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ.

И такъ, пусть женщины поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. И Марфа и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя.

Не положеніе женщины въ обществѣ, — но воспитаніе ея, въ которомъ заключается воспитаніе всего человѣчества, вотъ что требуетъ перемѣны. Пусть мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій проникнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновеніе осѣнитъ ея волю, — и она узнаетъ, гдѣ она должна искать своей эманципаціи.

Но если ни возрастъ, ни воспитаніе женщины не служатъ ручательствомъ для разрѣшенія вопроса, то еще менѣе можетъ положиться искатель идеальнаго участія на опытъ жизни.

Если мущину, который не жилъ отвлеченіемъ, холодитъ и сушитъ этотъ опытъ, то пресыщенный, охолодѣвшій, обманутый жизнью, онъ рѣдко скрываетъ то, что онъ утратилъ безвозвратно. А женщина вооружается притворствомъ. Ей какъ-то стыдно самой себя, предъ свѣтомъ высказать

эти горькія слѣдствія опыта. Она ихъ прикрываетъ остатками разрушенной Святыни. Инстинктъ притворства и наклонность нравиться ей помогаютъ выдержать прекрасно роль подъ маскою на сценѣ жизни. Подложная восторженность, утонченное ускуство выражать и взглядомъ и рѣчью теплоту участія и даже чистоту души, — всѣмъ этимъ, всѣмъ снабжаетъ ее суета въ исканіи побѣды. Ей дѣла нѣтъ тогда, какъ дорого окупится эта побѣда, когда, достигнувъ цѣли, сдѣлается опять тѣмъ, чѣмъ была....

Вы ищете. А жизнь между тѣмъ приближается къ закату. Вопросы жизни еще далеко не всѣ разрѣшены для васъ. Вамъ такъ хотѣлось бы снова начать ее; но что однажды кончилось, тому уже —

Продолженія впредь — нѣтъ.

НОВОСЕЛЬЕ ЛИЦЕЯ.

Рѣчь, произнесенная г-мъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговымъ, на торжественномъ актѣ Ришельевскаго лицея, 1-го Сентября 1857 года.

Милостивые государи!

Не даромъ существуетъ обычай праздновать новоселье. — Не знаю, когда и у кого родилась первая мысль праздновать перемѣну жилища.

Думаю, что впервые эта мысль родилась у народа кочеваго.

Все существованіе кочеваго народа зависитъ отъ избраннаго имъ мѣста.

Но если у номадовъ все настоящее, то за то у осѣдлыхъ народовъ все будущее зависитъ отъ избраннаго мѣста.

У первыхъ одна чисто матеріальная, у вторыхъ и матеріальная, и умственная, и даже нравственная сторона жизни находятся въ зависимости отъ мѣста пребыванія.

Перенесемъ этотъ взглядъ отъ народовъ къ обществамъ и общественнымъ учрежденіямъ.

И у нихъ, также какъ у цѣлыхъ народовъ, есть своя жизнь, осуществляющая извѣстную идею, и свое будущее.

И то, и другое не зависитъ ли также отъ выбора мѣста?

Никто, и изъ частныхъ людей, не перемѣнитъ безъ цѣли и надобности своего жилища; никто не переѣдетъ изъ одного мѣста въ другое, не задумавъ, сообразуясь съ обстоятельствами, перемѣнить образъ жизни. И такъ, перемѣняя мѣстопребываніе, будетъ ли то страна, провинція, городъ, улица, домъ, и даже комната, всѣ мы руководимся явною или скрытою мыслію о большей или меньшей перемѣнѣ нашего образа жизни.

Желая перемѣнить его, мы всѣ ищемъ лучшаго.

Каждый по своему: хорошо или худо.

Но, перемѣняя, и не зная никогда будущаго, мы обращаемся съ мольбою къ Богу, призываемъ друзей, сосѣдей, сверстниковъ и знакомыхъ, какъ бы желая ихъ сдѣлать нашими соучастниками въ предстоящемъ.

Такъ я объясняю себѣ празднество новоселья.

Такъ я смотрю и на новоселье нашего лицея.

Мы празднуемъ переходъ въ новое зданіе.

Но съ какою цѣлью сооружено оно?

Назначается ли оно только замѣнить ветхія стѣны стараго лицея новыми?

Своды ли, мраморъ ли и паркетъ половъ должны отличать новый лицей отъ стараго?

Если одно это, то основная мысль нашего торжества была бы въ сущности не выше, и даже ниже той, которою вѣроятно руководствуются номады, перемѣняя кочевье.

Перемѣна кочевья есть необходимое условіе жизни цѣлаго народа. Перемѣна ветхихъ стѣнъ на новыя есть только одно удобство нѣсколькихъ людей.

Нѣтъ, мы не для этого празднуемъ новоселье лицея. Не одна ветхость стѣнъ, не одно удобство и прихоть побудили правительство замѣнить старое новымъ.

Въ нашемъ новосельѣ обнаруживаются *двѣ* высокія мысли.

Оно, *во первыхъ*, доказываетъ, что старый лицей съ честью отжилъ свое время.

Онъ и родился во время, когда потребность къ про-

свѣщенію въ краѣ начала только что проявляться, и то только въ высшихъ слояхъ общества.

Онъ такъ успѣшно дѣйствовалъ на поприщѣ просвѣщенія, что поставленные учредителемъ предѣлы образованію сдѣлались узки. Ихъ не разъ уже измѣняли и расширяли. Но они все таки оказываются узкими.

Больше ничего не нужно приводить въ доказательство успѣшной дѣятельности стараго лицея. Этого одного довольно для безпристрастныхъ.

Во вторыхъ, праздникъ нашего новоселья, останавливая невольно нашъ взглядъ на новомъ зданіи, заставляетъ думать, что не понапрасну же увеличенъ объемъ его стѣнъ, не понапрасну увеличено помѣщеніе для учащихся, кабинетовъ, лабораторій.

Не напрасно пекущееся правительство, вмѣсто огромныхъ издержекъ на меблировку новаго зданія, обратило значительную сумму на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

Все это ясно говоритъ, что съ новосельемъ должна начаться и новая жизнь лицея, новый періодъ его дѣятельности, и новый лицей дѣйствительно долженъ сдѣлаться новымъ для Новороссіи.

Вотъ, мм. гг, почему мы празднуемъ день нашего новоселья.

Но будущее не въ нашихъ рукахъ.

И мы начали нашъ праздникъ молитвою.

Мы пригласили и всѣхъ васъ быть нашими соучастниками и въ мольбѣ, и въ достиженіи высокаго будущаго лицея.

Мы всѣ стремимся и сознательно и безсознательно олицетворить тотъ идеалъ человѣка, который каждая нація создаетъ для себя въ различные періоды своего развитія.

Лицей, какъ и всѣ другія учрежденія, назначенныя для воспитанія, образованія и просвѣщенія одной извѣстной части націи, пользуясь собственною жизнію, непремѣнно, какъ бы невольно, участвуетъ и въ этомъ общемъ національномъ стремленіи.

Въ каждомъ учебномъ округѣ высшее образовательное заведеніе можно сравнить съ маякомъ, назначеннымъ проливать свѣтъ на извѣстную окружность.

Чѣмъ выше стоитъ такой маякъ, чѣмъ удобнѣе избрано мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, и чѣмъ ярче онъ свѣтитъ, тѣмъ ярче и тѣмъ больше освѣщается вся окружность.

Но, какъ бы маякъ ни былъ хорошо устроенъ, если мореплаватели, въ немъ нуждающіеся, не озаботятся, изъ собственныхъ же выгодъ, поддержать его, и, незнакомые съ его назначеніемъ, не воспользуются благодѣтельнымъ свѣтомъ: маякъ будетъ только значиться безъ пользы на морской картѣ.

Правительство, какъ бы ни были мудры и высоки его предначертанія, не въ силахъ освѣтить всѣхъ желающихъ блуждать во мракѣ, беззаботныхъ и нерадивыхъ о собственномъ благѣ.

Сознательное стремленіе къ общей цѣли, живое участіе и содѣйствіе по мѣрѣ силъ, всегда, вездѣ и при всякой формѣ правленія, составляютъ необходимое условіе для успѣшнаго осуществленія каждой общественной мысли.

Настало время, когда мы всѣ ясно сознаемъ, что главною порукою за будущее благосостояніе нашего общества, и мало того, — главною его основою, — должно служить воспитаніе нашихъ дѣтей и, даже отчасти, перевоспитаніе насъ самихъ.

Нашъ благодѣтельный Монархъ открываетъ намъ разные способы къ осуществленію этой мысли.

Но настало также время, когда сознательное содѣйствіе со стороны общества оказывается болѣе, чѣмъ когда нибудь, возможнымъ и необходимымъ къ достиженію главной цѣли воспитанія.

Въ нашъ предпріимчивый и практическій вѣкъ вездѣ, безпрестанно заводятся новыя общества, собираются огромные капиталы для предпріятій, сулящихъ выгоды и улучшенія матеріальнаго быта.

Но что же мы сами дѣлаемъ для высшаго, нравственнаго быта нашихъ дѣтей, безъ котораго шатки основанія и матеріальнаго?

Употребляемъ ли мы достаточно наши матеріальныя средства къ достиженію этой высокой цѣли?

Отреклись ли мы, хоть сколько-нибудь, отъ эгоизма и корыстныхъ взглядовъ на жизнь, чтобы осуществить высокій идеалъ воспитанія на нашемъ потомствѣ?

Стремимся ли мы съ одушевленіемъ и самопожертвованіемъ, забывъ хоть на время настоящее, жить въ нашемъ будущемъ?

Сознаемъ ли мы ясно все прекрасное и высокое этого будущаго?

Какъ смотритъ еще до сихъ поръ наше общество на воспитателей и наставниковъ будущаго поколѣнія цѣлой націи?

Цѣнитъ ли оно довольно ихъ призваніе, трудъ и заслуги?

Существуетъ ли довѣренность и полное сочувствіе между родителями и наставниками, и внушены ли эти чувства дѣтямъ?

Какъ смотритъ бо̀льшая часть самихъ наставниковъ на свое призваніе?

Многіе ли изъ нихъ изучали сами, или подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, на дѣлѣ и съ любовью къ дѣлу, трудное искусство воспитанія?

Пусть каждый изъ насъ рѣшитъ эти вопросы, положивъ руку на сердце.

Что касается до меня, то какъ ни больно, но я долженъ признаться, что нахожу преобладающимъ взглядъ чисто матеріальный на эту, послѣ религіи, самую высокую сторону нашей общественной жизни.

И богатые, и бѣдные, всѣ мы немногое, очень немногое, приносимъ въ жертву воспитанію нашихъ дѣтей.

Просвѣщеніе ума и образованіе есть для насъ не цѣль высокая жизни, а только средство, — и то невѣрное, — къ улучшенію матеріальнаго быта.

Правда, мы за то и страдаемъ и недовольствомъ и недовѣріемъ другъ къ другу.

Желая прогресса по своему, мы бросились, съ какою-то жадностію, отыскивать недостатки и злоупотребленія въ нашемъ обществѣ.

Но мы забываемъ, что одна сатира еще никогда не исправляла общества.

Разрушая, нужно и созидать.

Для исправленія, кромѣ упрека, нужно еще другое, — и самое главное, — уяснить, сдѣлать сознательнымъ и, по возможности, достижимымъ тотъ идеалъ, къ которому каждый, исправляясь, долженъ стремиться.

Безъ полнаго сознанія этого идеала, не пробудивъ готовности со стороны общества сознательно участвовать въ достиженіи его, новое вино будетъ вливаться въ старые мѣхи, всѣ усилія сдѣлать ветхое новымъ останутся тщетными, и многозначительность нашего новоселья будетъ ничтожна.

А выраженіе этого сознанія и готовности должно искать въ воспитаніи.

Пусть же сочувствующій нашему новоселью родитель, отдавая сына или дочь на попеченіе Одесскаго учебнаго округа, скажетъ предъ судомъ собственной совѣсти: «Я «всѣмъ жертвую для воспитанія моего дитяти, и ничего дру-«гаго не требую отъ воспитателей, какъ того, чтобы они «наставили мое дитя быть человѣкомъ.»

Пусть каждый изъ питомцевъ начнетъ свое образованіе, слѣдуя словамъ отца: «не ищи ничего другаго, какъ быть «человѣкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова».

Пусть каждый наставникъ, проникнутый высокою цѣлію своего земнаго назначенія, скажетъ съ самоотверженіемъ: «я не ищу ничего другаго, какъ сдѣлать людьми ввѣрен-«ныхъ мнѣ питомцевъ».

Но какъ бы ни было велико сочувствіе въ нашемъ краѣ къ истинному прогрессу, котораго представителемъ мнѣ такъ

бы хотѣлось почитать новый лицей я знаю, что все таки этотъ взглядъ на воспитаніе, вызванный новосельемъ лицея, покажется слишкомъ идеальнымъ, недостижимымъ и неновымъ.

Я скажу на это, что истина не старѣется, что жизнь безъ сознательныхъ идеальныхъ стремленій печальна, безцвѣтна и безплодна.

И что же, наконецъ, въ моемъ идеалѣ воспитанія выражаютъ слова отца (сыну): ищи быть и будь человѣкомъ?

Конечно не новое; напротивъ старое и очень старое, но истинное. Конечно, не легко, но достижимое.

Значатъ ли эти слова дѣйствительно, что я добиваюсь невозможнаго, что я ищу въ человѣкѣ земнаго совершенства, мечтательнаго гражданина вселенной, или тому подобнаго?

Нѣтъ; человѣкомъ, какъ я его понимаю, можетъ быть каждый, въ своемъ родѣ, пріучившись съ раннихъ лѣтъ хорошо пользоваться различными свойствами души, которыми каждаго изъ насъ надѣлилъ Богъ въ извѣстной мѣрѣ?

Въ дѣлѣ воспитанія главное: намѣреніе и убѣжденіе; они зависятъ отъ воспитателей; успѣхъ — отъ Бога.

Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу человѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества, и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности.

Но всѣ эти идеалы человѣка, и слѣдовательно идеалы воспитанія, какъ бы различно ни проявлялся въ нихъ національный типъ, должны имѣть одну исходную точку — Откровеніе.

И такъ, словами «ищи быть и будь человѣкомъ» выражается одна главная мысль воспитанія: научите дѣтей, съ раннихъ лѣтъ, подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной.

И такъ, если отецъ, сознавая вполнѣ значеніе этой мысли, скажетъ сыну: «будь человѣкомъ», то это значитъ, онъ рѣшается воспитать сына безъ всякой задней мысли, и отдастъ его въ школу изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища.

Это значитъ, что отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно придти само собою; а если и не придетъ, то онъ все таки ничего не потеряетъ въ сущности.

Сынъ, помня слова отца, съ раннихъ лѣтъ пріучается видѣть въ образованіи нравственную необходимость и цѣнить его, какъ самую жизнь.

Наставникъ, говоря: «я хочу сдѣлать людьми моихъ питомцевъ», значитъ, рѣшается предпочитать формѣ духъ, мертвой буквѣ живую мысль; значитъ, въ наукѣ онъ видитъ не просто одинъ сборникъ знаній, а мощное средство дѣйствовать на нравственную сторону ребенка. Исполняя эти слова, учитель уже не заставитъ ребенка изучать науку одними устами, но направитъ ее на развитіе той или другой душевной способности дѣтей, и каждый учитель сдѣлается вмѣстѣ и воспитателемъ.

Наконецъ, если цѣлое общество повторитъ эти многозначительныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ, то оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ, безъ различія сословій и состояній, также необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и, при такомъ убѣжденіи, не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, обяжетъ всѣхъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ, сдѣлаетъ для всѣхъ и каждаго просвѣщеніе обязательнымъ, говоря всѣмъ и каждому: «будь человѣкомъ».

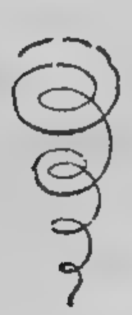
Вотъ смыслъ моего идеала, не новаго, но и не недостижимаго.

Для достиженія нужны: серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія,

содѣйствіе духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро.

И вотъ, вѣря въ это, надѣясь на ваше общее сочувствіе и содѣйствіе, ожидая этого прекраснаго будущаго, новый лицей и празднуетъ свое новоселье. Празднуетъ, надѣемся, не напрасно. И я не напрасно обращаюсь къ вамъ — правительствующія лица края, къ вамъ — преосвященный владыко, къ вамъ — пастыри церкви, къ вамъ — граждане и родители, къ вамъ — наставники, къ вамъ — учащіеся, прося васъ принять къ сердцу эти искреннія желанія, прося васъ всѣхъ и каждаго объ участіи и содѣйствіи истинному просвѣщенію въ краѣ, и скрѣпляю слабую рѣчь мою словами молитвы ко Всевышнему:

«Да пріидетъ царствіе Его!»

ОДЕССКАЯ ТАЛМУДЪ-ТОРА.

На дняхъ я посѣтилъ Талмудъ-Тору, и вышелъ изъ нея съ такимъ чувствомъ, которымъ не могу не подѣлиться.

Можетъ быть, многіе изъ читателей Одесскаго Вѣстника скажутъ: какое намъ дѣло до жидовскаго приходскаго училища, когда насъ и наши христіанскія мало занимаютъ?

Но виноватъ ли я, если меня занимаетъ все общечеловѣческое, когда сущность его истекаетъ изъ вѣчныхъ истинъ Откровенія, будутъ ли онѣ *сознательно* или *безсознательно* принимаемы націею?

Не болѣе, какъ за годъ, бѣдные, нищенствующіе сироты ветхозавѣтнаго поколѣнія гнѣздились скученные, одѣтые въ рубище на лавкахъ прежней Талмудъ-Торы, читая на распѣвъ съ утра до вечера подъ ферулой своихъ Меламдовъ. Черствый кусокъ хлѣба, который эти несчастныя дѣти приносили съ собою въ училище, служилъ имъ единственною пищею. Казалось, и учители и дѣти полагали всю свою надежду на духовное питаніе талмудическими сентенціями.

Всѣ занятія грязной, нечесанной толпы учениковъ и учителей ограничивались подстрочнымъ переводомъ съ еврейскаго на испорченный нѣмецкій жаргонъ, казавшимся для непривычнаго уха однимъ безтолковымъ крикомъ.

И вотъ, нѣсколько просвѣщенныхъ благотворителей, вникнувъ въ глубокій смыслъ словъ вдохновеннаго Пророка,

движимые высокимъ милосердіемъ къ своимъ соплеменникамъ, въ теченіе девяти мѣсяцевъ измѣнили и сущность, и видъ училища.

Я, ни мало не приписывая себѣ никакой заслуги, — потому что ходатайствовалъ только у правительства о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ программѣ ученія, — имѣю полное право безпристрастно хвалить то, о чемъ грѣшно бы было умолчать. Одну только приписываю себѣ услугу, оказанную дѣтямъ бѣдныхъ евреевъ: я содѣйствовалъ къ опредѣленію прусскаго подданнаго — г. доктора Гольденблюма. А ему, послѣ просвѣщенныхъ блюстителей школы, и должна быть отдана вся честь и вся заслуга преобразованія. Но ни онъ, ни блюстители не могли бы совершить такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ дѣло преобразованія, еслибы все еврейское общество не приняло истинно-сердечнаго участія въ этомъ подвигѣ человѣколюбія. Нельзя довольно оцѣнить просвѣщенное милосердіе и ревность, съ которыми общество принялось за это дѣло.

Слишкомъ 200 мальчиковъ, преимущественно сиротъ, помѣщаются теперь въ чистыхъ и теплыхъ комнатахъ; всѣ одѣты въ опрятные байковые сюртуки; ни у одного не замѣтно нечесанныхъ, всклоченныхъ волосъ, грязныхъ ногтей, разорванныхъ сапоговъ; а что главное, — дѣти высшихъ классовъ уже объясняются съ главнымъ учителемъ ихъ, г. Гольденблюмомъ, не на несносномъ еврейскомъ жаргонѣ, отвѣчаютъ на вопросы со смысломъ, отстаютъ, доведенные неусыпными трудами этого педагога, отъ безтолковаго голословія. Не болѣе трехъ недѣль тому назадъ г. Гольденблюмъ ввелъ хоральное пѣніе, и уже 30 или 40 мальчиковъ поютъ складно молитвы и стихи на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Прежде и въ хорошую погоду ученики не являлись по цѣлымъ недѣлямъ, предпочитая училищу праздное скитанье по улицамъ; теперь, — и въ грязь, и въ дождь училище полно учениками. Заведены печатныя журнальныя книги для отмѣтокъ, въ классахъ введены условные знаки, вездѣ господ-

ствуетъ порядокъ. Обхожденіе съ учениками также перемѣнилось. Правда, въ низшихъ классахъ еще замѣчается иногда, что иной школьникъ, отвѣчая на вопросы гнѣвнаго Меламда, отклоняетъ отъ него невольно голову въ сторону; но это только доказываетъ извѣстную истину, что никто столько не консервативенъ, какъ земледѣлецъ и старый учитель. — За то иподинъ старосвѣтскій еврей не отъищетъ теперь въ Талмудъ-Торѣ своего сына, назвавъ его Мошкою или Гершкою.

Но мало еще этого. Милосердіе еврейскаго общества къ бездомнымъ сиротамъ не ограничилось тѣмъ, что оно доставило имъ ученье, одежду и обувь; — сверхъ этого, семьдесятъ изъ нихъ, бѣднѣйшихъ, обѣдаютъ въ училищѣ: имъ даютъ ежедневно въ часъ — отличный хлѣбъ и сытный, хорошо приготовленный супъ съ мясомъ и картофелемъ, и того и другаго вдоволь. За столомъ благочиніе и порядокъ. Еврейскія дамы, участвующія въ пожертвованіяхъ, ежедневно по очереди, приглашаются къ столу, и присутствуютъ при немъ, раздаютъ кушанье дѣтямъ и слѣдятъ за качествомъ пищи.

И такъ, изумительные успѣхи учениковъ, перемѣна ихъ образа жизни, даже ихъ физіономій, получившихъ здоровый, веселый видъ — и все это въ девять мѣсяцевъ!

Если, невольно подумалъ я, выходя изъ школы, человѣкъ чрезъ девять мѣсяцевъ родится на свѣтъ, то во столько же времени онъ можетъ переродиться. Послѣ этого намъ ничего болѣе не остается, какъ благодарить Бога, что Онъ далъ намъ два чудесныя свойства: *привыкать* и *отвыкать*. Привычка удерживаетъ насъ идти слишкомъ скоро впередъ, дѣлаетъ насъ осторожно-консервативными; а отвыкая, подъ руководствомъ благоразумныхъ наставниковъ, мы дѣлаемся прогрессистами. — Этими двумя неоцѣненными свойствами человѣка разрѣшается вся задача его общественной жизни. Кто умѣетъ хорошо, кстати, привыкнуть и отвыкнуть, тотъ и понялъ науку жить. Мудрое и вѣчное правило, которое

столько же относится до приходскаго школьника, сколько и до знаменитаго гражданина, какого бы ни былъ онъ рода и племени, въ какомъ бы вѣкѣ ни родился, и въ которой бы изъ пяти частей свѣта ни обиталъ!

По намъ ли, живущимъ въ вѣкѣ смѣлыхъ предпріятій, въ вѣкѣ прогресса, еще удивляться, что двѣ сотни еврейскихъ мальчишекъ переродились въ девять какихъ-нибудь мѣсяцевъ? Такія ли еще чудеса совершаются теперь предъ нашими глазами!

Однакоже, если наша гражданственность, глядя свысока, не позволяетъ намъ удивляться такой простой вещи: то почему же наши христіанскія приходскія училища въ эти девять мѣсяцевъ не сдѣлали никакого шагу впередъ? Не я ли виноватъ?

По совѣсти, говорю, нѣтъ. Или, если виноватъ, то безсознательно. Выслушайте и судите.

Если дѣла минувшихъ дней доказали намъ, что можно заставить и въ худыхъ училищахъ нехотя учиться, то еще никто не доказалъ, что можно заставить въ нихъ и *хорошо* учиться. Для этого необходимо одно изъ двухъ: *или* охота, *или* хорошее училище.

Извѣстно, охота пуще неволи; но тутъ нужно приманить, а не заставить.

А чтобы сдѣлать училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами.

Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять?

Словъ сколько угодно; а убѣжденій, это дѣло иное.

Вотъ — въ этомъ-то отношеніи нельзя не указать на евреевъ.

Еврей считаетъ священнѣйшею обязанностію научить грамотѣ своего сына, едва научившагося лепетать; это онъ дѣлаетъ по глубокому убѣжденію, что грамота есть единственное средство узнать законъ. Онъ это дѣлаетъ, потому что убѣжденъ въ вдохновенной истинѣ словъ Моисея: «Слыши

«Израилю, Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть, и возлюби Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ «всея силы твоея, и да будутъ слова сіи въ душѣ твоей «и сердцѣ твоемъ, *и научи имъ сыновъ твоихъ*». (5. 6. 5).

Въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка грамота и законъ сливаются въ одно неразрывное цѣлое. У него нѣтъ ни споровъ, ни журнальной полемики о томъ, нужна ли его народу грамотность. Въ мысляхъ его, кто отвергаетъ необходимость грамотности, тотъ отвергаетъ законъ. Еврей въ нашихъ глазахъ есть старообрядецъ, старообычникъ, поклонникъ мертвой буквы, формалистъ, - все, что хотите; но все — по убѣжденію.

А мы, которымъ открыта и благодать, и истина, которымъ дѣти поставлены въ образецъ; мы, вѣрующіе, что «Богъ бѣ Слово», какъ мы убѣждены, что наши дѣти должны знать слово? — Мы вдаемся въ толки, разсуждая, споря и сомнѣваясь еще о томъ, что должно быть нашимъ кровнымъ убѣжденіемъ. Мы и прогрессисты, и искатели сущности; но когда дѣло дойдетъ до дѣйствій по убѣжденію, то мы поспоримъ въ консерватизмѣ и съ евреями.

Я знаю, за то, что я теперь сказалъ, меня будутъ упрекать въ пристрастіи, въ ослѣпленіи, въ напраслинѣ; мнѣ скажутъ, что я слѣпъ и глухъ, если, живя въ просвѣщенномъ и человѣколюбивомъ обществѣ, не слышу и не вижу ежедневныхъ фактовъ, доказывающихъ и *любовь къ просвѣщенію* и *благотворительность*, фактовъ погромаднѣе того, который я привелъ, говоря о какой-то мелочной Талмудъ-Торѣ. Я знаю, что многіе даже обидятся и за сравненіе, и за параллель. «Какъ можно смѣть сравнивать», скажутъ, «нравственныя свойства и еще чьи? симитическаго, отжившаго племени съ нашими! Это неслыханная дерзость!»

Все это я знаю; но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь говорить, что мнѣ кажется истинною правдою.

Не забудемъ: кому больше дано, съ того болѣе и спросится. Мы говоримъ, что мы любимъ просвѣщеніе. Да

это не мудрено: намъ нельзя сказать иначе, *во-первыхъ*, потому что мы привыкли къ этой фразѣ, а *во-вторыхъ*, мы стыдимся сказать противное, точно также, какъ мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ. Вы приводите факты: вы содержите на вашемъ иждивеніи сиротскія и приходскія училища, вы дѣлаетесь ихъ почетными смотрителями и попечителями. Но вѣдь мы знаемъ, Кто у насъ истинный распространитель просвѣщенія; вѣдь мы знаемъ, какъ одно Его слово, Его желаніе для насъ дорого. Мы знаемъ хорошо, что отъ Него не скроется ни одинъ добрый поступокъ на общую пользу. Что же тутъ собственно нашего? это все Его. Мы творимъ только волю Пославшаго насъ. Но проникла ли эта высшая, благая воля до нашего сознательнаго внутренняго убѣжденія? Сдѣлалась ли она нашею второю натурою, нашею задушевною, неотъемлемою собственностію?—Вотъ это докажите мнѣ фактами.

Мы говоримъ, что мы благотворительны. Но, *во-первыхъ*, мы не должны бы были этого говорить. «Тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что̀ творитъ десница твоя.» А *во-вторыхъ*, если мы уже до того христіане, что милосердіе сдѣлалось нашимъ общимъ душевнымъ достояніемъ, то это значитъ, дѣла милосердія у насъ приняли уже характеръ общественнаго института. Но если такъ, то покажите мнѣ основныя *начала* этого института? — Мы всѣ, не отрекшіеся отъ свѣта и его прелестей, поступаемъ еще никакъ не лучше юноши, который просилъ наставленія у Спасителя о томъ, что онъ долженъ сдѣлать, чтобы получить жизнь вѣчную. Мы, благотворя, соблюдаемъ только главныя заповѣди. Но соблюдая ихъ, какъ бы мы ни тщились общими силами совершать дѣла милосердія, мы подвергаемся опасности, при устройствѣ нашего общества, столько же повредить ему, сколько и помочь, если мы не согласимся сначала подчинить наши дѣйствія не только сердцу, но и разуму. Сердце требуетъ только, чтобы исполнена была заповѣдь; разумъ требуетъ, чтобы исполнилась не одна

ея буква. Разумъ говоритъ, что въ настоящее время, какъ бы громадны ни были наши средства, мы все таки только тогда сдѣлаемся истинными благотворителями, когда сосредоточимъ ихъ на одну, опредѣленную сторону благотворительности, то есть, когда мы будемъ дѣйствовать ими для удовлетворенія одной какой либо главнѣйшей потребности нищеты. Словомъ, при настоящемъ состояніи нашего общества и при ограниченности нашихъ средствъ, которыя какъ бы ни казались велики, все таки въ сущности ничтожны относительно числа потребителей, благотворитель долженъ быть непремѣнно *специалистомъ*. Какъ современная наука, въ ея примѣненіи къ обществу, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дѣлается специальною; какъ въ наукѣ едва-едва мы можемъ еще удержать общечеловѣческое направленіе въ школѣ, да и туда уже безпрестанно врывается ненасытная утилитарность съ ея специальными требованіями; такъ и въ общественной филантропіи общее безпредѣльное милосердіе съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе неудобнымъ и даже вреднымъ въ его практическомъ приложеніи.

Но въ настоящее время, чѣмъ менѣе распространена въ обществѣ гражданственность, тѣмъ сильнѣе должно быть общечеловѣческое направленіе науки, тѣмъ болѣе университетское должно преобладать надъ факультетскимъ. Напротивъ, въ *филантропіи*, чѣмъ менѣе развита гражданственность общества, чѣмъ менѣе оно обыкло дѣйствовать сознательно и послѣдовательно, тѣмъ специальнѣе, тѣмъ сосредоточеннѣе должны быть дѣйствія благотворительности.

Общество, стоящее на высшей степени гражданственности, уже до такой степени успѣло себѣ усвоить образованность, что какъ бы сильно оно ни нуждалось въ специальности, все таки специальность не истребитъ общечеловѣческое начало науки. Специалисту въ такомъ обществѣ не такъ легко впасть въ рутину, или сдѣлаться шарлатаномъ. Но попробуйте развить научную специальность на счетъ общечеловѣческаго въ обществѣ, еще не остепенившемся

гражданственно, и вы получите между множествомъ грубыхъ ремесленниковъ, можетъ быть, нѣсколькихъ односторонно дѣльныхъ людей, но уже никакъ не представителей науки.

Въ филантропіи другое дѣло. Интересы сословій и всѣхъ членовъ общества развитаго такъ слиты между собою, всѣ отношенія и нищеты и богатства такъ сложны и такъ взаимно пересѣкаются, что трудно дѣлается, тронувъ одну сторону, не затронуть другую. Тутъ дѣла милосердія уже дѣйствительно должны быть возведены на степень общественнаго института, составленнаго изъ самыхъ различныхъ отраслей управленія; тутъ дѣлается уже необходимымъ и общій обзоръ, и централизація управленія, и общая систематичность дѣйствій. —Но этотъ же самый способъ филантропическихъ дѣйствій перенесите въ общество еще мало развитое, и оно превратитъ сущность дѣла въ форму, оно понапрасну развлечется наружною громадностію обстановки, тогда какъ ему нужно бы было, сосредоточившись, избрать только одну, двѣ, или нѣсколько сторонъ, смотря по величинѣ его средствъ.

Не трудно научиться, а трудно умѣть приложить изученное къ дѣлу. Тутъ мѣшаютъ намъ и неумѣнье въ пору привыкнуть и въ пору отвыкнуть, и суетность, и другія дрязги жизни.

Пусть же общество, еще не достигшее зенита гражданственности, сознательно разберетъ, чѣмъ оно должно пользоваться изъ *настоящаго* того общества, которое ушло дальше, и чѣмъ изъ его *прошедшаго*, оставивъ спокойно до поры и до времени то, за чѣмъ ему еще рано гоняться.

Мы знаемъ, что высочайшее дѣло и христіанства, и народнаго просвѣщенія, съ каждымъ годомъ и каждымъ днемъ распространяющее все болѣе и болѣе свѣтъ евангельскаго ученія, началось тихо и скромно, копѣечнымъ сборомъ, и достигло огромныхъ размѣровъ только потому именно, что всѣ обширныя дѣйствія милосердныхъ распространителей слова Божія ограничивались и теперь ограничиваются одною опре-

дѣленною цѣлью: дать желающимъ средство читать Ветхій и Новый Завѣтъ.

Вотъ такъ должны начинаться всѣ благотворительныя общества. Пусть благотворители изберутъ сначала только одну или двѣ изъ главныхъ потребностей нищеты, будетъ ли то квартира, топливо, или пища, и всѣ свои силы, все умѣнье, все милосердіе, всѣ средства сосредоточатъ на этомъ одномъ предметѣ. Конечно, это не такъ легко, какъ кажется. Тутъ нужно: во-первыхъ единодушіе, строгое подчиненіе одной предназначенной цѣли другихъ, болѣе безграничныхъ чувствъ и желаній, какъ бы онѣ ни были справедливы и похвальны; даже нѣкоторая степень жестокосердія, если такъ можно назвать твердость-души, необходима для достиженія этой цѣли. Во-вторыхъ, нужно прямое и истинное участіе въ нравственной судьбѣ бѣднаго. Никогда милостыня не должна быть чисто матеріальною; надобно, чтобы она помогала нравственно. Никогда помощь тому, кто имѣетъ силу или возможность работать, не должна доставаться совершенно даромъ, по крайней мѣрѣ онъ долженъ быть увѣренъ, что она не достается ему безъ труда и работы. Вспомнимъ, что случилось съ знаменитыми національными мастерскими въ Парижѣ. Сегодня вы накормите даромъ одного, неимѣвшаго ни пищи, ни работы, и завтра же къ вамъ придутъ за тѣмъ же двое, имѣвшихъ и пищу, и работу. Кто не хочетъ, чтобы милосердіе противодѣйствовало общественной нравственности, тотъ долженъ давать матеріальную помощь бѣдному не иначе, какъ принимая нравственно живое участіе въ судьбѣ его. Да и кто больше христіанинъ; тотъ ли, про кого всѣ нищіе говорятъ, что онъ даетъ милостыню, или тотъ, кто, истинно помогая, заставляетъ всѣхъ думать, что онъ только платитъ за труды, тогда какъ этотъ трудъ нуженъ не ему, а тому, кто трудился, и нуженъ нравственно?

Теперь положимъ, что благотворители приняли мой совѣтъ; положимъ, что они составили общество съ ограниченною цѣлью доставить извѣстному числу неимущихъ жилище и

топливо. Благотворители купили домъ или наняли отдѣльныя квартиры, запаслись дешевымъ топливомъ; узнали обстоятельно положеніе нѣсколькихъ бѣдныхъ, трудящихся семействъ, и отдали квартиры тѣмъ изъ нихъ, которыя платили прежде по 3 рубля въ мѣсяцъ, за одинъ рубль, — которыя платили по 2 рубля, за полтину сер.; наконецъ тѣмъ, которыя не имѣли ни крова, ни работы, дали квартиру безъ платы и работу съ тѣмъ, чтобы одною частію дохода съ нея выплачивалась квартира и топливо. Не развлекаясь удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей нищеты, ограничиваясь, по своимъ средствамъ, извѣстнымъ числомъ бѣдныхъ семействъ, всѣ члены этого спеціальнаго филантропическаго общества, сосредоточивая свое вниманіе на одинъ предметъ, изучили бы его основательно, узнали бы подробно и цѣну, и качество, и значеніе квартиры и ея отношенія къ работѣ въ жизни бѣднаго человѣка; а изъ суммы, собранной съ бѣдныхъ семействъ за помѣщеніе, составился бы новый капиталъ, который могъ бы быть обращенъ въ ихъ же пользу и для той же цѣли. Результатъ такой сосредоточенно-односторонней дѣятельности общества не замедлитъ обнаружиться, а примѣръ поощритъ другихъ благотворителей къ образованію новаго общества, которое изберетъ своею цѣлію — удовлетворить другой потребности нищеты. Если, наконецъ, образуется нѣсколько такихъ частныхъ, спеціальныхъ обществъ, если онѣ достаточно организуются, тогда, — но только тогда, — наступитъ время всѣмъ вмѣстѣ сблизиться. И обнаружится существенная, а не формальная потребность придти къ одному знаменателю.

Но въ настоящее время, когда мы, кажется, начинаемъ уже серьезно убѣждаться, что мы истиннаго прогресса можемъ достигнуть однимъ, единственнымъ путемъ воспитанія, теперь, говорю, кто истинно любитъ отечество, для кого грядущее потомство проявляетъ собою идею земнаго безсмертія, тотъ долженъ и милосердіе посвятить исключительно *дѣтямъ*.

Дѣти, — вотъ современная специальность для нашихъ благотворителей.

Невольно опять обращаюсь къ евреямъ. Ихъ Маймонидъ, основываясь на устномъ преданіи, утверждаетъ, что слово *сынъ* въ Ветхомъ Завѣтѣ значитъ также и *ученикъ*, приходская *школа* евреевъ или Талмудъ-Тора значитъ *изученіе закона*. И такъ, *грамота* и *законъ*, *сынъ* и *ученикъ*, *ученье* и *воспитаніе* сливаются въ одно въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка, — и эта тождественность, въ глазахъ моихъ, есть самая высокая сторона еврея.

Неужели же мы, озаренные свѣтомъ истины, должны въ этомъ отношеніи отстать отъ ветхозавѣтниковъ? Неужели толки о томъ, нужна ли грамота для дѣтей нашего народа, должны еще серьезно занимать насъ? Или еще болѣе, неужели мы еще должны бояться, что она вредна, и вѣрить въ цифру, будтобы математически доказывающую ея тлетворное вліяніе на нравственность простолюдина? Да развѣ благо Слова и его распространенія въ народѣ должно доказывать фактами и статистикой? Развѣ Истина, облеченная въ Слово, въ словѣ и чрезъ слово изучаемая, не есть сама себѣ доказательство? И если бы въ доказательство вреда приводили, что не только половина, а *всѣ* грамотные простолюдины сдѣлались пьяницами и ворами именно отъ того, что учились грамотѣ; то можетъ ли глубоко вѣрующій въ Воплощеніе Слова сказать что нибудь другое въ отвѣтъ, какъ одно: *не вѣрю*.

Если же кто либо изъ противниковъ просвѣщенія смѣшиваетъ грамоту съ приложеніемъ ея къ жизни, то тѣмъ хуже для него.

Нѣтъ, у насъ еще нѣтъ убѣжденій. Мы споримъ о первыхъ основаніяхъ, и, слѣдовательно, сомнѣваемся еще и въ нихъ. Евреи, въ этомъ отношеніи, со всѣмъ ихъ старообрядчествомъ, со всѣмъ ветхимъ консерватизмомъ, могутъ служить образцомъ, *какъ* должно имѣть убѣжденія. Они, съ ихъ непреодолимою настойчивостію, успѣли въ дѣлѣ убѣж-

денія уничтожить тѣ огромные промежутки, которые у насъ раздѣляютъ *мысль*, *слово* и *дѣло*. Едва ребенокъ начинаетъ говорить, и еврей-отецъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, посылаетъ его уже къ Меламду учиться. Большая часть этихъ доморощенныхъ учителей-самозванцевъ скрывается въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, преслѣдуемая штатными смотрителями и полиціей. Я сказалъ бы, что если еще кто на свѣтѣ злоупотребляетъ грамотой, то это именно одни Меламды. Но, увы! даже и этимъ тяжкимъ порицаніемъ еврея не могу воспользоваться къ возвышенію нашего собственнаго достоинства. Безутѣшная цифра, сообщенная публикѣ моимъ другомъ, В. И. Далемъ, не позволяетъ похвалиться и нашимъ умѣньемъ въ распространеніи свѣта грамотою.

И такъ, правда, грамотность не въ прокъ суевѣрнымъ послѣдователямъ Талмуда, не въ прокъ она и нашимъ раскольникамъ. Не смотря на это, я уважаю и въ евреѣ, и въ раскольникѣ глубокое, сознательное убѣжденіе, что она необходима, — убѣжденіе, котораго не имѣютъ не только многіе изъ православныхъ, но и такая голова, какъ В. И. Даль, которая одна многихъ стоитъ. Будемъ снисходительны и согласимся, что не одинъ еврей и раскольникъ, а вообще человѣкъ всѣмъ злоупотребляетъ, даже святынею. Этой нравственно-исторической аксіомы, кажется, доказывать не нужно. И такъ, будемъ и правосудны, не станемъ общую человѣческую слабость сваливать на одинхъ меньшихъ нашихъ братій. Откинемъ предубѣжденія, проникнемъ мыслію сквозь безобразную груду зла до самаго основанія, и увидимъ, что это зло есть ничто иное, какъ переродившееся и искаженное добро.

И вотъ, если бы мнѣ теперь моими, слегка набросанными мыслями удалось убѣдить хоть бы одного христіанскаго благотворителя или благодѣтельницу, что все сдѣланное еврейскимъ обществомъ для здѣшней Талмудъ-Торы достойно подражанія, если бы мнѣ удалось обратить просвѣщенное милосердіе хоть на одну изъ нашихъ приходскихъ школъ, — цѣль моя была бы совершенно достигнута.

И у насъ, между многими учениками приходскихъ училищъ, посылаемыми обыкновенно въ школу только для того, чтобы ихъ сбыть съ рукъ, есть однакожъ и такіе, которыхъ отцы хотятъ, чтобы они научились читать псалтырь и другія церковныя книги. И у насъ, приходскіе школьники ходятъ за три и за четыре версты въ училище, носятъ также, какъ въ прежней Талмудъ-Торѣ, изорванные сапоги, ѣдятъ одинъ хлѣбъ, и часто не являются въ училище по недостатку обуви, или отвлекаемые работами по домашнему хозяйству. Учителя также ведутъ списки. Но чѣмъ имъ завлечь или принудить ребенка, чтобы онъ посѣщалъ школу? Желудокъ вопіетъ сильнѣе головы. И если ребенокъ знаетъ, что, сходя въ школу, онъ останется послѣ голоденъ; то и по методѣ Ланкастера не заставишь его учиться.

Вотъ гдѣ обширное поприще для истинно-христіанскаго и, слѣдовательно, просвѣщеннаго милосердія.

Хлѣбъ и грамоту, хлѣбъ и правду, — вотъ что дайте, христіане-благотворители, грядущему поколѣнію нашего отечества. Слейте въ умѣ вашемъ мысль о тѣлесной пищѣ въ одно съ мыслію о пищѣ духовной; дайте ту и другую тѣмъ существамъ, которыя разрѣшили устами Спасителя вопросъ: «кто убо веій есть въ царствіи небесномъ», — и вы исполните завѣтъ Его лучше, чѣмъ раздавая пригоршнями милостыню встрѣчнымъ и поперечнымъ. Не безпокойтесь, что облагодѣтельствованные вами ученики приходской школы не будутъ подъ безпрестаннымъ надзоромъ вашимъ, какъ дѣти сиротскихъ училищъ, и, продолжая оставаться подъ вліяніемъ грубыхъ и закоренѣлыхъ въ предразсудкахъ родителей, не принесутъ тѣхъ плодовъ, которыхъ вы вправѣ были ожидать отъ вашего милосердія. Родительскій домъ, вмѣщая даже предразсудки и порокъ, не такъ вредно дѣйствуетъ на нравственность сына, какъ закрытое заведеніе, если порокъ и безнравственность прокрались въ него, подъ эгидою формы.

Накормите, одѣньте, обуйте бѣдныхъ приходскихъ школьниковъ, пошлите вашихъ женъ посмотрѣть за раз-

дачею пищи и ея качествомъ, похлопочите о выборѣ и достаточномъ содержанiи педагога, и у васъ также явится свой Гольденблюмъ, и ваша приходская школа также переродится, какъ еврейская Талмудъ-Тора.

БЫТЬ И КАЗАТЬСЯ.

Ученики 2-й одесской гимназіи обратились ко мнѣ съ просьбою о дозволеніи имъ играть на публичномъ театрѣ, по примѣру гг. студентовъ лицея, играть съ цѣлію помочь нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей. Узнавъ, что и прежде ученикамъ гимназій, воспитывающимся въ сиротскомъ домѣ, позволялось дѣйствовать на сценѣ, я также позволилъ.

Но совѣсть моя этимъ не успокоилась.

У меня родился нравственно-педагогическій вопросъ: можно ли позволять молодымъ людямъ, чтобы они прямо со школьной скамьи выступали на сцену, и представлялись дѣйствующими лицами предъ публикою?

Извѣстно, что вездѣ, гдѣ вмѣстѣ съ гимназіею существуетъ высшее учебное заведеніе: университетъ или лицей, гимназисты стараются во всемъ подражать студентамъ. Извѣстно также, что такое подражаніе обыкновенно не ведетъ къ добру. —Но, я смотрю на заданный себѣ вопросъ съ другой, болѣе общей стороны. Спрашивается, вообще дозволяетъ ли здравая нравственная педагогика выставлять дѣтей и юношей предъ публикою въ болѣе или менѣе искаженномъ, и, слѣдовательно, не въ настоящемъ ихъ видѣ? оправдываетъ ли цѣль въ этомъ случаѣ средство?

Не обязаны ли истинные нравоучители смотрѣть на духовную сторону юноши и дитяти, какъ на святой храмъ, о которомъ сказано: «храмъ мой, храмъ молитвы наречется.»

Не обязанъ ли правоучитель изгонять изъ него все продающееся и покупающееся? Совмѣстима ли съ этимъ взглядомъ на духовную сторону юности выставка, возбуждающая суетность и тщеславіе? Родитель или наставникъ, дозволяя себѣ выстовлять юношество въ искаженномъ видѣ на публичное созерцаніе, не вноситъ ли въ воспріимчивую душу начало лжи и притворства? развѣ разыграть хорошо роль, принять кстати подготовленную позу, съумѣть сдѣлать удачный жестъ, и живо выразить миною поддѣльное чувство, развѣ, говорю, все это не есть школа лжи и притворства? А шумныя похвалы, воздаваемыя именно тому притворству, которое сдѣлалось натуральнымъ, развѣ не пробуждаютъ желаніе усовершенствоваться, и въ какой душѣ?—еще не коротко знакомой *съ наукою быть и казаться.*

Но цѣль?—Да, на свѣтѣ еще существуетъ одна школа, которая цѣлью освящаетъ средства. И всѣ мы, — что грѣха таить,—употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подъ часъ позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ. Но, согласитесь, нельзя же, не отказавъ себѣ въ послѣдовательности, защищать открыто ея ученіе, утверждая, что благая цѣль оправдываетъ выборъ средства, нравственно ненадежнаго.

Еслибы еще это средство было только неприлично важности и святости задуманной цѣли, но само по себѣ невинно; то почему бы не такъ. Свѣта мы, конечно не исправимъ; онъ останется, не смотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какъ онъ былъ и есть. Такъ почему же въ практической жизни,—извѣстной своею непослѣдовательностію,—не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и не предосудительны. Но другое дѣло, если мы вздумаемъ для этой цѣли развивать въ молодой душѣ такія склонности, которыхъ послѣдствій нельзя ни предвидѣть, ни исчислить. Тутъ уже, мнѣ кажется, цѣль никакъ не можетъ оправдать средства.

Дѣтскіе балы, дѣтскіе театры и всѣ возможныя зрѣлища, въ которыхъ дѣти являются дѣйствующими лицами, слава Богу, изобрѣтеніе не наше, а чужое, и потому извинительно и не знать, кѣмъ впервые, и почему они введены были въ моду. По судя по вѣроятностямъ, такая мысль могла придти въ голову или родителямъ, желавшимъ похвастаться милымъ искусствомъ дѣтей, подъ предлогомъ доставить имъ удовольствіе; или же наставнику, желавшему, безъ сомнѣнія съ какою нибудь педагогическою цѣлью, возбудить соревнованіе въ своихъ ученикахъ.

Я думаю, что родители были легкомысленны, а наставникъ близорукъ. Уже не одинъ разъ, и прежде и послѣ, родители, подъ благовиднымъ предлогомъ утѣшить дѣтей, утѣшали свою суетность. Не разъ педагоги ошибались въ выборѣ средствъ, ослѣпленные случайной удачею, или стараясь приноровиться ко вкусу общества. Признаюсь, я самъ еще недавно позволилъ дѣтямъ въ лицейскомъ пансіонѣ разыграть одну маленькую піесу; но театръ былъ чисто домашній, зрителями были товарищи и наставники; я видѣлъ въ игрѣ только средство для изученія языка.

Я замѣтилъ и тутъ однакоже, что не смотря на всю безъискуственность и простоту обстановки, въ нѣкоторыхъ изъ актеровъ обнаруживался такой пріемъ суетности, который еще болѣе увеличивать было бы опасно. Потому, и дома, и въ учебныхъ заведеніяхъ можно бы только, и даже должно, позволять дѣтямъ, отъ 12 до 14 лѣтъ, выучивать избранныя роли изъ различныхъ пьесъ, но безъ всякой обстановки и только единственно съ цѣлію упражненія въ языкѣ и въ способѣ выражать отчетливо мысли. Пусть наставникъ объяснитъ этимъ ученикамъ, что̀ именно хотѣлъ выразить авторъ тѣмъ или другимъ оборотомъ рѣчи. Пусть покажетъ вмѣстѣ, какіе пріемы свойственны тому или другому характеру дѣйствующаго лица; — но безъ всякой обстановки, безъ огласки, безъ постороннихъ зрителей. Наставникъ и его ученики должны быть и публикою и дѣй-

ствующими лицами; школьная комната—сценою. Пусть воображеніе довершитъ и украситъ все остальное. Но опаснѣе сцена для мальчика въ 15 лѣтъ и болѣе. Въ этомъ возрастѣ, особливо на югѣ, дѣти, во что бы то ни стало, не хотятъ уже быть дѣтьми. Воображеніе въ эти лѣта уже начинаетъ терять свою калейдоскопическую подвижность. Оно уже не съ прежнею быстротою превращаетъ одинъ предметъ въ другой, и не такъ легко замѣняетъ призракомъ дѣйствительное. Не смотря на то, юноша все таки еще не ясно различаетъ два свойства своего я: *быть* и *казаться*.

Должны ли же мы преждевременно давать поводъ юной душѣ обнаружить ея двойственность? Пусть *быть* и *казаться* остается покуда въ жизни юноши однимъ и тѣмъ же. Скоро, слишкомъ скоро, и безъ всякихъ побужденій, проявляется въ его дѣйствіяхъ то, о чемъ Апостолъ Павелъ сказалъ: «еже бо содѣваю, не разумую: «*не еже бо хощу* «*сіе творю: но еже ненавижду, то содѣлываю*». (къ Римл. VII. 15).

И не выходя на театральную сцену,—и безъ того,—на одной сценѣ жизни онъ скоро научится лучше *казаться*, чѣмъ *быть*.

Подождите, дайте время развиться духовному анализу. Дайте время начать борьбу съ самимъ собою и въ ней окрѣпнуть. Тогда, кто почувствуетъ въ себѣ призваніе, пожалуй, пусть будетъ и актеромъ: онъ все таки не перестанетъ быть человѣкомъ. И если и Тальма, и Каратыгинъ были только *кажущимися* героями; то по крайней мѣрѣ вашъ сынъ или ученикъ не будетъ однимъ только *кажущимся* актеромъ.

Но не лучше выставокъ дѣтей на паркетѣ и театральной сценѣ и публичныя выставки на *сценѣ школьной*. Это тоже театръ въ своемъ родѣ. Да еще на театрѣ выставляется по крайней мѣрѣ то, что должно быть выставлено: искусство притворяться и великій даръ заставлять себя чувствовать по собственной волѣ. А на публичныхъ экзаменахъ

выставляется на показъ *знаніе*, котораго истина и значеніе ничѣмъ столько не оцѣняется, какъ скромностью.

Всѣ эти искусственныя и натянутыя попытки такъ называемаго развитія ума и сердца развиваютъ только преждевременно двойственность души человѣка, еще не окрѣпшаго въ борьбѣ съ самимъ собою. Онѣ довершаютъ только то, что и безъ нихъ начинаютъ слишкомъ рано общество, школа и, увы! самъ родительскій домъ.

Пусть каждый изъ насъ припомнитъ, когда онъ началъ *казаться* не тѣмъ, что онъ *есть*. И вѣрно, отвѣчая на этотъ вопросъ, не многіе изъ насъ похвалятся своею памятью. А когда мы вступили въ борьбу съ самими собою, — полагая что мы всѣ уже вступили; то мы навѣрное *казались* давно не тѣмъ, чѣмъ мы *были*. Неужели же мы захотимъ тоже самое передать въ наслѣдство нашимъ дѣтямъ? Неужели всѣ попытки нравственной педагогики, всѣ успѣхи, все стремленіе человѣка къ совершенству — одна только пустая игра словъ, одинъ обольстительный вымыселъ?

Нѣтъ! мы не имѣемъ права не вѣрить въ истину. Если бы мы принялись общими силами, мы бы много такого исправили въ нашихъ дѣтяхъ, чего не успѣли или не умѣли исправить наши отцы въ насъ. Правда, мы можемъ дать только то, что мы сами имѣемъ. Но, кто хочетъ идти впередъ, не по однѣмъ только грязнымъ и пыльнымъ улицамъ, тотъ найдетъ въ душѣ довольно силы и вести борьбу съ собою и слѣдить за первыми обнаруживаніями душевной двойственности у своихъ дѣтей. Первое ея проявленіе есть: *притворство* и *ложь*. Трудно опредѣлить время жизни, въ которое онѣ впервые обнаруживаются у ребенка. Я зналъ 6-тилѣтнюю дѣвочку, которая была уже такая виртуозка лжи, что трудно было различать длинные разсказы ея собственнаго изобрѣтенія отъ правды: такъ все въ нихъ было связно и отчетливо. Зналъ я еще и одного мальчика четырехъ лѣтъ, который на вопросъ: видалъ ли онъ колибри? не желая, изъ хвастовства, сказать просто: *не знаю*, опи-

салъ какъ нельзя подробнѣе видѣнную имъ колибри, которая однакоже оказалась просто вороною; а когда ему замѣтили, что колибри водятся не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, а въ Китаѣ: то онъ, нисколько не конфузясь, увѣрялъ, что большую, черную птицу прислалъ въ подарокъ его маменькѣ китайскій императоръ. Про дѣвочку я послѣ ничего не слыхалъ; но про мальчика знаю навѣрное: онъ теперь пересталъ такъ безбожно хвастать.

Изъ этихъ и изъ множества другихъ фактовъ нельзя ли заключить, что уже съ первымъ лепетомъ ребенка начинаетъ обнаруживаться и двойственность нашей духовной стороны? И да, и нѣтъ. Я не сомнѣваюсь, что у ребенка есть свой міръ, отличный отъ нашего. Воображеніе создало этотъ міръ ребенку, и онъ въ немъ живетъ и дѣйствуетъ по своему. Взрослый, дѣйствующій какъ ребенокъ, есть въ нашихъ глазахъ или лгунъ, или сумасшедшій. И если дитя намъ не кажется ни тѣмъ, ни другимъ, — то именно потому, что оно дитя. И такъ, если мы, достигши извѣстнаго возраста, не перестаемъ жить въ мірѣ, созданномъ нашимъ дѣтскимъ воображеніемъ, мы дѣлаемся непремѣнно или лжецами, или взрослыми дѣтьми, т. е. чудаками, помѣшанными, или назовите какъ угодно, только не обыкновенными людьми.

Мы привыкли называть сумасшедшимъ того только, въ дѣйствіяхъ котораго мы замѣчаемъ явную несообразность и непослѣдовательность. Но эта *кажущаяся* несообразность словъ съ дѣйствіями и одного поступка съ другимъ иногда только служитъ признакомъ помѣшательства, а иногда и нѣтъ. Кто сомнѣвается еще въ этой неопредѣленности и сбивчивости нашихъ понятій, пусть спроситъ у судебныхъ врачей, всегда ли и во всякомъ ли данномъ случаѣ имъ бываетъ легко рѣшить вопросъ о сумасшествіи.

Не легко рѣшить также объ иномъ: заблуждается ли онъ, или лжетъ. Извѣстно, что привыкшій лгать наконецъ это дѣлаетъ вовсе несознательно.

Но, если у взрослаго, въ практической жизни, такъ

трудно бываетъ провести точныя границы между здравомысліемъ и помѣшательствомъ, между убѣжденіемъ и ложью; то еще осторожнѣе мы должны оцѣнивать поступки ребенка.

У ребенка кажущаяся намъ непослѣдовательность поступковъ и мыслей, сознательная ложь и безсознательная, такъ незамѣтно переходятъ одна въ другую, что почти каждаго изъ дѣтей можно назвать глупымъ и лгуномъ, — примѣняя къ нему слова и понятія, взятыя изъ жизни взрослыхъ. Но въ этомъ-то и заключается именно ошибка и родителей, и наставниковъ, что они, не въ пору устарѣвъ, забыли про тотъ міръ, въ которомъ сами нѣкогда жили. И въ лжи, и въ несообразностяхъ дѣйствій, ребенокъ еще не перестаетъ *казаться* именно тѣмъ, что онъ *есть*; потому что онъ живетъ въ собственномъ своемъ мірѣ, созданномъ его духомъ, и дѣйствуетъ, слѣдуя законамъ этого міра. Чтобы судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселяться въ его духовный міръ. Тогда, но только тогда, мы и поймемъ глубокій смыслъ словъ Спасителя: «аминь, глаголю вамъ, аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное».

Если бы все человѣческое общество состояло изъ однихъ дѣтей, то двойственность души въ ребенкѣ никогда бы не обнаружилась, и онъ всегда бы *казался* тѣмъ, что онъ *есть*. Онъ всю окружающую природу переносилъ бы въ *свой* духовный міръ и дѣйствовалъ бы въ немъ вѣрно послѣдовательнѣе насъ.

Но мы, мы, - взрослые, - нарушаемъ безпрестанно гармонію дѣтскаго міра. Мы, насильственно врываясь въ него, переносимъ ребенка, на каждомъ шагу, къ себѣ, въ нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ ему внушить *наши* взгляды, *наши* понятія, *наши* свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка. Мы отъ души восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребенокъ насъ понимаетъ, и сами не хотимъ понять, что онъ понимаетъ насъ *по своему*.

Мы не хотимъ «ни умалиться», «ни обратиться и быть какъ дѣти», и между тѣмъ быть ихъ наставниками и даже считаемъ себя въ правѣ пользоваться званіемъ наставника, не исполнивъ этого перваго и самаго главнаго условія.

Кто же теперь виноватъ, если мы такъ рано замѣчаемъ у нашихъ дѣтей несомнѣнные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердо двоимъ ее?

Дѣйствительно, наши усилія вѣнчаются успѣхомъ. Но какимъ? Исторгая безпрестанно ребенка изъ его собственнаго духовнаго бытія, перенося его все чаще въ нашу сферу, заставляя его и смотрѣть, и понимать *по нашему*, мы наконецъ достигаемъ одного: онъ начинаетъ намъ *казаться* не тѣмъ, что онъ *есть*. И вотъ вѣнецъ нашей педагогики, вотъ non plus ultra всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій!

Чего не придумано у насъ къ достиженію этого результата? И дѣтскіе балы, и театры, и живыя картины, и костюмы, и даже школьная обстановка. А чтобы лучше убѣдиться, дѣйствительно ли ребенокъ намъ кажется не такимъ, какъ онъ есть, — мы изобрѣли и срочныя испытанія. Мало этого, нашлись и такіе педагоги, которые придумали изъ самихъ дѣтей сдѣлать орудія наблюденія за дѣтьми же, чтобы и тѣ и другія какъ можно лучше двоили свой духовный бытъ, и какъ можно точнѣе раздѣляли бы *быть* и *казаться*. Извѣстно, до какихъ блестящихъ результатовъ на этой почвѣ достигли отцы-езуиты. Если мы при нашей обыкновенной методѣ воспитанія много способствуемъ, — хотя безсознательно и дѣйствуя по крайнему разумѣнію, — къ развитію въ ребенкѣ *лжи* и *притворства*; то езуиты, не довольствуясь этимъ, уже сознательно доводятъ двойственность до степени *клеветы*.

Твердо вѣрящему въ стремленіе человѣчества впередъ, къ усовершенствованію, кажется уже неприличнымъ утверждать, что и дѣти, и вообще люди въ старину, то есть когда-то, были лучше. Но, тѣмъ не менѣе, въ этой извѣстной поговоркѣ стариковъ и недовольныхъ есть доля и правды.

Во первыхъ, для всякаго старика это дѣйствительно *относительная* истина. Онъ, принимая менѣе участія въ дѣйствіяхъ переходнаго состоянія отъ стараго къ новому, видитъ яснѣе худое, всегда сопровождающее каждый переходъ, чего современное ему свѣжее поколѣніе не примѣчаетъ, будучи само проводникомъ новаго. Во вторыхъ, есть и дѣйствительно такіе періоды для человѣчества, въ которыхъ старое еще не достаточно состарѣлось; а новое, втекая цѣлымъ потокомъ, еще не успѣло ни созрѣть, ни амалгамироваться съ старымъ.

Эти періоды также вредны для нравственности, какъ у насъ на сѣверѣ раннія оттепели для посѣва: сѣмена уносятся тающимъ снѣгомъ. И это уже не одна только *относительная истина* для стариковъ.

Чуть ли мы сами не живемъ въ одномъ изъ такихъ періодовъ.

Если такъ; то не мудрено, что въ то время, когда старое было еще во всей своей силѣ, то есть, еще не было старымъ, и воспитаніе совершалось съ большею послѣдовательностію, и именно потому, что было болѣе одностороннимъ. Правда, и прежде, точно также, какъ теперь и даже больше, взрослые мѣрили дѣтей по своей мѣркѣ; особенный дѣтскій міръ и прежде для взрослыхъ также мало существовалъ, какъ и теперь. Но средства, которыя они употребляли для сообщенія дѣтямъ своихъ понятій и взглядовъ, были грубѣе и именно потому лучше нашихъ. Наши отцы и праотцы, слѣдуя буквально правилу царя Соломона: «кто щадитъ *жезлъ* свой, ненавидитъ сына своего: любящій же наказуетъ прилежно», переносили ребенка насильнѣе изъ его внутренняго міра въ свой собственный; но за то скорѣе и отпускали назадъ.

Если уже нужно выбирать одно изъ двухъ, то безъ сомнѣнія лучше вторгаться въ духовно-дѣтскій міръ съ *жезломъ* въ рукѣ, чѣмъ съ театральною афишею и бальнымъ костюмомъ. Ядъ и позолоченная отрава опаснѣе палки и синяковъ.

Воображеніе ребенка и развивается, и дѣйствуетъ по мѣрѣ развитія внѣшнихъ чувствъ и понятія. У него мысль никогда не опережаетъ воображенія. Окружающая природа, для него еще новая, доставляетъ ему столько пищи, что оно постоянно въ работѣ. Это калейдоскопъ въ безпрестанномъ вращеніи, чрезъ который дитя смотритъ на все окружающее. Берегитесь нарушать эту фантастическую игру вашими дѣйствіями. Вашею искусственною обстановкою, какъ бы она ни была обворожительна, вамъ все таки не удастся замѣнить тѣ чудные образы, которые творитъ дѣтская фантазія. Вы только понапрасну развлечете ея дѣятельность и рано пробудите чувство недовольства. Ребенокъ, недовольный *своимъ*, будетъ самъ проситься въ *вашъ* міръ и *выкажется* уже въ немъ не тѣмъ, чѣмъ онъ *былъ* въ своей сферѣ. Двойственность и пресыщеніе должны необходимо слѣдовать.

И такъ не мудрено, если встарину, при менѣе искусственной обстановкѣ воспитанія — яснѣе обозначались высокіе и выдержанные характеры. Кто выходилъ невредимъ изъ *школы жезла*, тотъ выносилъ духъ также хорошо закаленный, какъ закалено тѣло дикихъ и номадовъ, купающихъ новорожденныхъ дѣтей въ студеной водѣ.

Но наша современная обстановка воспитанія еще слишкомъ нова, чтобы точно обсудить ея результаты. Только надъ однимъ езуитскимъ способомъ воспитанія, который также не вовсе потерялъ современность, судъ исторіи уже произнесенъ. Вездѣ, гдѣ онъ господствовалъ, и теперь еще господствуетъ двойственность души. Насильственно раздѣленное езуитствомъ, *быть* и *казаться* породило и притворство, и коварство, и клевету съ ябедою и доносомъ.

Если все, что я сказалъ, заключаетъ въ себѣ хотя тѣнь истины; то скажите мнѣ, не лучше ли предъ Богомъ и человѣчествомъ замѣнить всѣ искусственныя попытки нашего собственнаго воображенія воспитаніемъ, основаннымъ на законахъ дѣвственно-фантастическаго міра дитяти.

Въ наше время, когда глубокіе умы посвятили себя

изученію духовной стороны даже умалишенныхъ; когда начинаетъ обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ; когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ въ немъ связей съ нашимъ, должны ли мы, говорю, именно теперь, оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей, и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ?

Скажите, что̀ можетъ быть поучительнѣе, что выше, что святѣе, духовнаго сближенія съ этимъ Божіимъ, чуднымъ дѣтскимъ міромъ? Кому не занимательно слѣдить за всѣми его обнаруживаніями, за всѣми проявленіями во времени и въ пространствѣ? Кому не весело самому помолодѣть душою? О! еслибы всѣ родители и педагоги по призванію, вошли въ этотъ таинственно-священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали бы они; какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами! Одинъ взглядъ, брошенный въ него бѣднымъ Швейцарцемъ, сердечно любившимъ дѣтей, произвелъ на свѣтъ цѣлую систему ученія, котораго плодами мы теперь только-что начинаемъ пользоваться.

Къ вамъ, матери семействъ, относится преимущественно мой совѣтъ. Вмѣсто того, чтобы посылать вашихъ дѣтей на театральную и бальную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской жизни. Наблюдайте отсюда за ихъ первымъ лепетомъ и первыми движеніями души; наблюдайте ихъ здѣсь и тогда, когда они возвратятся къ вамъ, утомленныя играми, и всегда готовыя снова начать ихъ.

Я бы далъ и еще совѣтъ; но не знаю, какъ вы примете и этотъ. Подчиняясь однимъ влеченіямъ души къ добру и правдѣ, вы, можетъ быть, и безъ меня придумали что нибудь лучше. — Я самъ обращусь теперь за совѣтомъ, всегда уважая его, если онъ данъ отъ души, если въ немъ проглядываютъ смыслъ и любовь къ истинѣ и добру. Скажите мнѣ, отцы и педагоги, всѣ ли вы принимаете со мною

этотъ дѣтскій міръ, съ его особенными законами? Если — да; то скажите мнѣ откровенно: какъ вы въ него вступаете? и потомъ, посовѣтуйте мнѣ, долженъ ли я и впредь позволять дѣтямъ и юношамъ играть на публичной сценѣ? Пусть будетъ вашъ совѣтъ, пожалуй, и чисто теоретическій, — все равно; я приму его съ благодарностію.

Нужно ли сѣчь дѣтей и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей?

Не правда ли, мелочной и даже, такъ сказать, неприличный вопросъ для публики образованной и занятой серьезными дѣлами? Но для дѣтей розга не мелочь, и сѣкутъ ихъ также и образованные, и занятые серьезными дѣлами люди. А я именно и хочу говорить только съ сѣкущими. Да наконецъ, вспомнивъ бывалое, мало ли еще между нами найдется такихъ, которые чѣмъ нибудь да обязаны розгѣ — хорошимъ или худымъ, но по крайней мѣрѣ думаютъ, что обязаны. Розга — предметъ немаловажный и не для однихъ дѣтей: о ней говорится и въ Библіи, и въ педагогикѣ, и въ законовѣденіи. А въ жизни ребенка она изъ важнѣйшихъ вещей важнѣйшая. Правда, для многихъ отцовъ, матерей и учителей высѣчь ребенка все равно, что высморкаться. Я знавалъ и такихъ, которые увѣряли, что до 12 лѣтъ съ ребенкомъ нужно обращаться, какъ съ котенкомъ или щенкомъ. Я не преувеличиваю — именно этими словами выразилъ мнѣ одинъ отецъ, — и не изъ простыхъ, — свой взглядъ на воспитаніе, и увѣрялъ, что онъ такъ воспитывалъ всѣхъ своихъ дѣтей. Сынъ его, образованный по этой методѣ, мнѣ и теперь знакомъ: онъ довольно извѣстный ученый, — но человѣкъ ненадежный. Еще и многіе теперь живутъ изъ сѣченныхъ по субботамъ; и многіе изъ нихъ не нахвалятся этой методой, приписывая ей даже и то, что они дослужились до почета. Есть наконецъ и такіе, которые не повѣ-

рять, чтобы можно было теперь еще терять время на разсужденія о томъ, что, по ихъ мнѣнію, всѣмъ и каждому извѣстно, что освящено временемъ, и потому не подлежитъ никакимъ возраженіямъ. Нашимъ училищнымъ уставомъ опредѣляется тѣлесное наказаніе только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія исправительныя мѣры оказались недостаточными, и то только въ низшихъ классахъ. Но училищный уставъ писанъ не для родителей; а дѣти, поступающія 10-ти и болѣе лѣтъ въ школу, уже воспитывались до того, — такъ или иначе, — дома. Поэтому учители и директоры училищъ поставлены въ затруднительное положеніе, и нерѣдко недоумѣваютъ: должно ли продолжать начатое или начинать новое. Сѣченныхъ дѣтей не сѣчь значитъ — терять надъ ними авторитетъ; а если сѣчь, то нужно больнѣе. Человѣкъ, и еще болѣе дитя, скоро ко всему привыкаетъ; а высѣкши одного или двухъ, захочется попробовать и на другихъ: эта метода какъ-то проще, и дѣйствія ея нагляднѣе.

Большая часть сѣкущихъ родителей и учителей, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ или по привычкѣ, или подражая. Недавно я видѣлъ двухъ-лѣтняго ребенка, который, держа въ рукѣ палку, билъ ею отца, смѣясь тѣмъ дѣтскимъ смѣхомъ, который такъ заманчивъ и для всѣхъ взрослыхъ. Въ движеніяхъ этой рученки было также мало смысла, какъ и въ наказующей рукѣ многихъ отцовъ и учителей.

Въ чемъ же состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія вообще? 1) Выместить причиненную обиду, 2) пристыдить, 3) устрашить. Вотъ три чувства, на которыхъ человѣчество съ незапамятныхъ временъ основываетъ всѣ свои физическія исправительныя мѣры. Оставивъ месть въ сторонѣ, какъ чувство, несвойственное ни христіанству, ни здравой нравственности, руководившее только первобытныхъ законодателей младенчествующаго общества, остановимся на двухъ современныхъ: — *стыдѣ* и *страхѣ*. — Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго, не значитъ ли, хочетъ стыдомъ дѣйствовать на человѣка, потерявшаго стыдъ?

Если бы онъ его еще не потерялъ, то для него достаточна была бы одна угроза быть тѣлесно наказаннымъ. Да и самое средство, направленное къ цѣли, не таково ли, что оно уничтожаетъ самую цѣль? Какъ вы хотите, чтобы удары розгою по обнаженному тѣлу ребенка могли пристыдить его, когда они именно и уничтожаютъ стыдъ, заставляя его дѣлать то, чего онъ долженъ стыдиться дѣлать? Пусть ребенокъ всегда стыдится заслужить такое наказаніе, это не худо; но если онъ себя до него довелъ, то уже тутъ поздно стыдомъ дѣйствовать. Тутъ остается одинъ только страхъ. Но какой? не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ, — а страхъ боли и истязаній. Неужели нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимость отъ розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть наконецъ того, чтобы физическая боль или одно воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть; то желательно ли, утѣшительно ли это? Хорошо ли пріучать совѣсть, это свободное чувство человѣка, — съ самыхъ юныхъ его лѣтъ, — къ зависимости отъ тѣлесныхъ, или даже и духовныхъ, но болѣе зависимыхъ ощущеній? Или, можетъ быть, думаютъ, что одна мысль о боли достаточно устрашаетъ? При такомъ воззрѣніи розга должна сдѣлаться для ребенка чѣмъ-то въ родѣ memento mori. Одинъ взглядъ на нее, даже брошенный украдкою, уже долженъ страшить и потрясать. Тогда страхъ дѣлается чѣмъ-то среднимъ: ни чисто физическимъ, ни чисто нравственнымъ чувствомъ. Но въ такомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательными, мы не должны его допускать до конечнаго осуществленія. Есть нѣмецкая поговорка: «чертъ не такъ черенъ, какъ намъ его описываютъ». Ее изобрѣли вѣрно тѣ, которые уже видѣли, по крайней мѣрѣ во снѣ или въ бреду, чорта. Трусъ, испытавъ однажды на дѣлѣ то, чѣмъ его пугало воображеніе, можетъ сдѣлаться вдругъ храбрецомъ. И ребенокъ, боявшійся одного взгляда на розгу, перестанетъ бояться, когда узнаетъ a posteriori, что она не

такъ ужасна, какъ ему прежде казалось. Но наконецъ положимъ, вы достигли вашей цѣли; вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ, — чѣмъ вы будете его поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиліямъ? А если онъ хоть на минуту освободится изъ подъ дамоклесова меча; если онъ хоть вскользь убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными, какъ вы думаете, воспользуется ли онъ или нѣтъ своею мнимою свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже и опять — «быть и казаться.» Покуда розга въ виду — все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду — кутежъ и разливъ. И это нравственность! — Если же у васъ въ дому или въ школѣ обстоитъ все въ такомъ отличномъ порядкѣ, что ни одинъ проступокъ ребенка не можетъ остаться незамѣченнымъ, — то на что тогда розга? Лишь бы было это убѣжденіе, и преступленій бы не было: по крайней мѣрѣ онѣ случались бы какъ нельзя рѣже. — Но въ этомъ-то вся и загадка. Поселите это убѣжденіе, займитесь серьезно; это не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда, хотя, конечно, это сдѣлать труднѣе, чѣмъ приготовить хорошій березовый чай. Но и это еще далеко не все. Это только шагъ къ хорошему; но есть и еще лучшее. Сдѣлайте такъ, чтобы наказаніе за проступокъ было *не внѣ*, а *внутри* виновнаго — и вы дойдете до идеала нравственнаго воспитанія. Не забудьте, что я говорю это родителямъ: у нихъ въ рукахъ и мягкая масса для моделей, и форма. Но и учители не должны забывать, что къ нимъ поступаетъ въ руки эта масса еще не совсѣмъ застывшею. Они могутъ изъ нея также еще кой-что вылѣпить.

Итакъ розга — слишкомъ грубый и насильственный инструментъ для возбужденія стыда. А чувство стыда — это такой нѣжный, оранжерейный цвѣтокъ, который разомъ завянетъ, когда побываетъ въ грубыхъ рукахъ. Розга вселяетъ страхъ, - это правда, — но не исправительный, не на-

дежный, а прикрывающій только внутреннюю порчу. Она исправляетъ только слабодушнаго, котораго бы исправили и другія средства, менѣе опасныя.

Я пишу все это только потому, что вѣрю въ слова покойнаго Преосвященнаго Иннокентія. Онъ мнѣ сказалъ однажды: «всякая мысль, высказанная съ убѣжденіемъ, есть живое сѣмя, брошенное на землю; рано или поздно она пуститъ ростки». Классъ сѣкущихъ, разумѣется, останется при своемъ убѣжденіи, — если онъ дѣйствуетъ точно по убѣжденію, а не по слѣпой привычкѣ и безтолковому подражанію; для нихъ розга, что ни говорите, все таки останется незамѣнимою и неизбѣжною. — Но эти господа, согласные между собою въ основномъ принципѣ, не всѣ еще согласны въ способахъ, какъ его приводить въ дѣйствіе, и потому распадаются на нѣсколько сектъ.

Одна секта утверждаетъ, что надобно сѣчь съ горяча, тотчасъ же на мѣстѣ преступленія, en flagrant délit. По ея мнѣнію, и наказуемый и наказующій въ это время бываютъ въ такомъ особенномъ настроеніи духа, что первый лучше воспринимаетъ, а второй лучше сообщаетъ. *Другая* секта откладываетъ наказаніе до болѣе удобнаго времени, и совершаетъ его методически, съ толкомъ и съ разстановкою. Эту секту, въ ея высшемъ развитіи, составляли древніе наши педагоги-субботники, которые сѣкали всѣхъ своихъ питомцевъ по субботамъ сплошь и рядомъ, увѣряя, что виноватымъ это служитъ возмездіемъ за прошедшее, а невиноватымъ пригодится въ будущемъ. Далѣе, *третій* родъ сѣкущихъ сторонниковъ, опасаясь возбудить въ дѣтяхъ нелюбовь или ненависть къ наказующему, запрещаетъ сѣчь самимъ учителямъ и воспитателямъ, предоставляя это занятіе особеннымъ, нарочно къ тому подготовленнымъ экспертамъ. Кажется, не нужно и упоминать, что такой дипломатическій расчетъ могли придумать только одни отцы-езуиты. Впрочемъ, еще замысловатѣе *четвертый* классъ, который не такъ давно еще у насъ сѣкъ невиноватаго, полагая этимъ испра-

вить виноватаго, да еще и доказать ему свою любовь. Не нужно объяснять, что виновные были родныя дѣти, а невиноватые — слуги и пріемыши. Наконецъ, чтобы сдѣлать наказаніе нравственно полезнымъ не для одного только виновнаго, а и для другихъ его товарищей, *пятый* родъ адептовъ розги сѣчетъ не келейно, а торжественно, съ драматическою обстановкою, и самъ еще подраздѣляется на *двѣ* отрасли, изъ которыхъ *одна* призываетъ къ присутствію всѣхъ товарищей наказываемаго, чтобы ему было стыднѣе, а *другая* — вмѣняетъ это присутствіе въ наказаніе только однимъ провинившимся. — Вотъ съ этою-то отраслью, существованіе которой обнаруживается и въ Новороссіи, я хочу еще переговорить немного. Я уже ей сказалъ, что ея дѣйствія въ моихъ глазахъ *безнравственны*. Но она сомнѣвается. Будемъ судиться гласно. — Покуда все дѣло ограничивается только одною угрозою виноватому, что его заставятъ быть при наказаніи товарища или брата, то я ничего не имѣю сказать противъ этого. Если отецъ или учитель въ минуту гнѣва накажетъ ребенка передъ его братьями или соучениками, я также не сочту этого еще худымъ. Но если воспитатель вмѣнитъ обдуманно въ наказаніе виноватымъ присутствовать при наказаніи другихъ, и заставитъ ихъ это сдѣлать, и не однажды; то, по моему, это значитъ — или не знать вовсе человѣческаго сердца, или имѣть объ немъ самое худое мнѣніе, и тѣмъ именно его портить еще болѣе, нежели оно и безъ того уже испорчено. Чего вы хотите? Поселить въ присутствующемъ отвращеніе къ наказанію? Да вы поселяете одно отвращеніе къ наказующему. Вы хотите возбудить отвращеніе къ виновному? Но вы возбуждаете къ нему сочувствіе. Развѣ можно, не огрубѣвъ душею, безъ сожалѣнія слушать вопль и смотрѣть на борьбу сильнаго съ безсильнымъ? Какой родъ страха вы желаете развить въ вашемъ воспитанникѣ? Страхъ физическій или нравственный? Если первый, — то къ нему скоро привыкаютъ, и онъ, смотря по характеру, рано или поздно переходитъ въ тупое равнодушіе, то прямо,

то постепенно восходя отъ боязни до ужаса. А если второй, то вы не достигните вашей цѣли розгою, будете ли ею дѣйствовать a priori или a posteriori.

Его можетъ вселить только тотъ, кто его самъ имѣетъ, да и имѣетъ въ избыткѣ. Этотъ страхъ есть страхъ Божій, который, — насъ учили, — есть и начало премудрости. Можетъ быть вы и устрашите, но только однихъ трусовъ, да и тѣ будутъ бояться не наказанія, а наказующаго.

Желаете ли вы возбудить негодованіе на виновнаго въ его товарищахъ и однокашникахъ, — а этого вы должны желать, — то вы не достигните и этой цѣли, заставивъ напротивъ жалѣть его и сочувствовать его горю. Негодованіе обращается не на него, а на того, кто наказываетъ. И такъ, исправительная мѣра, развивающая чувства совершенно противныя тѣмъ, которыя вы хотѣли ею пробудить, по малой мѣрѣ неприлична и неблагоразумна. Но если она еще къ тому можетъ зародить порочныя чувства, то она *безнравственна*. — Я знаю, что послѣдователи правилъ, упроченныхъ лишь временемъ, тяжелы на подъемъ, — и въ этомъ случаѣ они правы: время — важный аргументъ, когда оно вынесло на свѣтъ что-нибудь хорошее. Но въ этомъ-то вся и трудность. Докажите мнѣ, что при такой-то мѣрѣ дѣло шло хорошо, — да докажите еще, что хорошее именно и зависѣло отъ этой мѣры; тогда я первый поклонюсь, пожалуй, и розгѣ, какъ бы я мало не былъ расположенъ къ ней. А покуда, не испытавъ ничего другаго и не доказавъ, что хорошее зависитъ именно отъ нея, если вы будете ссылаться на опытъ, — даже вѣковой, — я вправѣ вамъ не повѣрить. Въ педагогикѣ, какъ и въ другихъ практическихъ наукахъ, логика все одна: все тоже вѣчное — post hoc, ergo propter hoc — должно непремѣнно и непреложно доказывать пользу той или другой мѣры; да присоединяется и еще одно доказательство въ родѣ слѣдующаго: такой-то способъ или такое-то средство, очевидно, энергическое, а потому оно не можетъ остаться безъ слѣдствій; оно должно непремѣнно или помочь,

или повредить; если же оно не вредитъ, то слѣдовательно помогаетъ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, и въ медицинѣ, основываясь на такихъ силлогизмахъ, цѣлыя столѣтія все пускали кровь въ воспаленіяхъ легкаго. Врачъ, не пустившій кровь больному въ такомъ случаѣ, могъ попасть подъ судъ. Наконецъ нашлись люди, которые цифрою доказали, что страдающій воспаленіемъ легкаго можетъ выздоровѣть и безъ кровопусканія, да еще и чаще и скорѣе выздоравливаетъ. А уже если есть на свѣтѣ энергическое средство, такъ вѣрно кровопусканіе; оно не розгѣ чета: не каплями, а фунтами льетъ кровь. Къ чему же тутъ служила вся оффиціяльная логика? Умозаключенія были правильны, опытъ также подтверждалъ, время упрочивало факты, - да позабыли только одно: — испытать, не будетъ ли хорошо и иначе, безъ энергическихъ способовъ? А на повѣрку и вышло, что энергическое-то иногда прикидывается, и на видъ вовсе такимъ не кажется.

6 p.

1 p

60 к.

ю

